ПИОНЕР

П29
34

1930

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

К борьбе за рабочее дело — будь гото

ИЮЛЬ

№ 19

ПИОНЕР

Адрес редакции:
Москва, Центр, Новая пл., 6.
Условия подписки:

36 номеров без приложений: на год—3 р., 6 м.—1 р. 60 к., 3 м.—85 коп., 1 м.—30 коп.

36 номеров с приложением 12 сборников „Вторая Ступень“: на год—8 р. 25 к., 6 м.—4 р. 35 к., 3 м.—2 р. 30 к.

БОЕВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

МЫ НЕ БОИМСЯ ЗАПРЕЩЕНИЙ

Бравый шуцман 30 июня принес в комитет по подготовке международного слета пионеров в г. Галле пакет с громадной сургучной печатью.

Печать сломали, конверт разорвали и прочли на бумажке:

„Городской отдел здравоохранения и господин окружной медицинский советник в полном согласии высказывают соображение, что в целях гигиены, в интересах населения города Галле, а также тех детей, которые должны прибыть на слет, всемирный детский слет в Галле следует запретить.

В случае нарушения запрещения будут приняты необходимые принудительные меры.

В случае опротестования настоящего предписания слет тоже будет запрещен на основании закона об управлении страной.

ГОРОДСКОЕ ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Социал-демократы выполнили волю хозяев, „прикрывшись гигиеническими соображениями“.

Но слет все-таки будет. Его перенесли в Берлин. Но и там фашистские газеты требуют его запрещения. Палач рабочих, социал-фашист Цергибель, будет рад выполнить это требование. Красный Берлин, в котором рабочие отдают свои голоса компартии, будет бороться за слет. Пионеры разоблачат подлую роль социал-демократов.

Центральный штаб слета в Берлине уже разработал подробный план слета и конгресса.

На конгрессе т. Тельман, вождь немецких коммунистов, сделает доклад „Рабочий класс под знаменем Ленина“. Выступят с рапортами: советский пионер—о борьбе за пятилетку, мансфельдский пионер — об участии ребят в забастовке, и один из пионеров колониальных стран. Потом будет обсуждаться вопрос „Ребята в революционной борьбе“. После обеда будут работать шесть секций.

Во время слета будет устроено первое международное совещание деткоров. На него приглашены Максим Горький, Анри Барбюс и пролетарские писатели Германии. Журнал „Барабан“ во время слета будет выходить ежедневно.

Немецкие пионеры энергично готовятся к слету. Они всюду распространяют значки, листовки, открытки, газеты. Устраивают демонстрации, детские конференции и т. п. Фашисты уже избили нескольких пионеров за подготовку к слету, но это не запугало пионеров.

Влияние пионеров растет. За один месяц берлинские пионеры выросли с 500 до 1200. К слету они хотят иметь 3000 пионеров. Даже один отряд меньшевистских „красных соколов“ подал заявление в пионерорганизацию.

„Слет будет, несмотря на запрещения“ — вот лозунг наших немецких товарищей.

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ „Пионером“ получено сообщение, что советской и монгольской делегациями получено разрешение на в'езд в Германию.

О ЧЕМ СЕГОДНЯ „ПИОНЕР“ РАЗГОВАРИВАЕТ С ЧИТАТЕЛЯМИ

ОТЕЦ *заставил деткора написать опровержение на правильную заметку. Завод не выполняет промфинплана. Что делать В. Белоусову? (стр. 1).*

В ЭТОМ *году каспийские рыбаки не выполнили задания по лову рыбы. Выловлено всего 87 процентов плана. В осеннюю путину рыбацкие колхозы обязались покрыть прорыв. Об условиях работы рыбаков читай рассказ „На Каспии“ Зюйд-Веста (стр. 2).*

В СРЕДНЕЙ *Азии ежегодно бывает большой бой с саранчей. Десятки тысяч взрослых и ребят сражаются с десятками миллионов саранчи. В этом году одержана победа—саранча уничтожена („Саранчуки“, стр. 6).*

О. ШВАРЦ *рассказывает, как его с'ели волки (стр. 8).*

— НАМ НУЖНЫ *зрячие, они, нам помогут, а там сами привыкнем и лучше их будем делать... Верно ли это? (см. стр. 10).*

МЫ ЖЕ ПОКАЖЕМ НАСТОЯЩУЮ ЖИЗНЬ,
НО ОНА
В ЗРЕЛИЩЕ НЕОБЫЧАЙНОЕ
ТЕАТРОМ ПРЕВРАЩЕНА (стр. 11).

ПО-СЕРЬЕЗНОМУ *о современном искусстве. Начинаем с театра (стр. 13).*

ГЕОГРАФИЯ *перепутана — ехали на Кавказ—попали в совхоз. Очень хорошо! (стр. 15).*

БАТЮШКИ *сколько писателей! И все просят слова. Даем (стр. 16).*

ЗНАЕМ, *что руки у вас чешутся. Поэтому даем радио в лагере (стр. 18) и инструментальный цех (стр. 19).*

ПИСЬМО *к папе (стр. 20).*

КОНЧАЕМ *номер „Задачником изобретателя“ (стр. 30).*

КАК БЫТЬ С ОТЦОМ

НАШ завод, на котором работает мой отец, не выполнил промфинплана. Мне стало стыдно за отца: ведь и он тоже виноват в невыполнении промфинплана. Однажды я написал в наш профжурнал „Красный Деревообделочник“ о том, что промфинплан под угрозой срыва. После того, как заметка была отослана, отец ее случайно прочитал (черновик). Мне здорово попало, и меня чуть-чуть не побили. Отец мне строжайше запретил писать в этот журнал:

— Напишешь там всякой чепухи, а за тебя отвечай!

На мой вопрос, как же быть с отосланной заметкой, отец ответил, что нужно написать опровержение. Я написал опровержение, а отец дал цифры „с потолка“, что, мол, промфинплан не только выполняется, но и перевыполняется. Я, конечно, знал, что факты ложны, что завод недовыполнил промфинплана на 15,5%, что на работу рабочие являются в пьяном виде, что дубокаты во время работы „отдыхают“, отчего происходят простои станков. Но опровержение мне пришлось написать — так хотел отец. Может быть, и отец боялся, что за мою заметку вину свалят на него, да тут и бояться-то нечего, все знают — промфинплан не выполняется.

Заметка была напечатана еще тогда, когда опровержение ходило по почтовому отделению, я же за „произведение моих рук“ получил порку. Всякая охота писать отпала.

НАДО, НАКОНЕЦ, НАЛАДИТЬ УЧЕТ

Промфинплан на лесопильном заводе имени Воровского (Сумы) упорно не выполняется. Главная причина заключается в том, что на заводе старое и потрепанное оборудование. Администрация заваливает центр бесконечными бумажками с требованиями о присылке новых машин. А центр—(Украинлес) неизменно отвечает одними и теми же фразами:

— Выслали, высылаем, приготовлено к отсылке.

Но машин все нет и нет. А старые станки часами стоят в ремонте.

Завод вызвал на соревнование Тростянецкую паркетную фабрику. Был подписан договор, но на самом деле соревнования не чувствуется на заводе. Стенная газета и та молчит о нем. Никаких показателей соревнования на заводе нет.

Пролетарский.

Вот фотография той заметки, из-за которой пострадал деткор Виктор Белоусов.

Отец косо посмотрел на меня и вдобавок обещал не давать денег на марки и порвать все тетради.

Время шло. Из редакции журнала „Красный Деревообделочник“ я получил письмо, в котором мне вынесли выговор за ложные факты. Обещали напечатать опровержение в очередном номере журнала. Скоро опровержение напечатали.

Г.П.В-ка обяз. экз. Лнгр. 1930 г. Инв. № 4-990

***

Напечатанная в № 15 журнала «Красный Деревообделочник» заметка «Надо наконец наладить учет», по полученным сведениям, оказалась неверной. Промфинплан на завод. им. Воровского выполняется с превышением.

Но я теперь не пишу в этот журнал. А писать следовало бы. На заводе творится масса безобразий, которые мне теперь приходится пропускать мимо ушей. Иначе нельзя. Заведующий, недавно приехавший на завод, „подарил“ жене посуду на 65 руб. (за казенные деньги) и приказал конторщику записать покупку на несуществующую столовую. Зав привез с собой „букет“ родственников и „знакомых“ и дал им хорошие должности. Зав выбрасывает с завода активистов и лучших работников завода. Зав пьет молоко, предназначенное для кочегаров (платит тоже народными денежками). Можно было бы описать много „похождений“ нашего зава (кстати, партийца). Все горе в том, что заводские организации — под лаптем зава.

За смелую критику на общем собрании завода рабочего Петухова, который разоблачал зава, сократили (не сократили, а сократил зав).

Пионерорганизации при нашем заводе нет, вести борьбу за выполнение производственной программы некому (организации молчат). Я борюсь за промфинплан. Я разоблачаю ненужный элемент. Но мне приходится молчать — отец боится.

Прошу читателей журнала „Пионер“ и деткоров помочь мне.

1. Должен ли пионер, живущий на заводе (например, как я живу на заводе) или связанный с производством, вмешиваться в заводскую жизнь, освещать в рабочей газете борьбу за промфинплан, разоблачать рвачей, вредителей?

2. Как быть с отцом?

Деткор *Виктор Белоусов*

Гор. Сумы. Завод имени тов. ВОРОВСКОГО

НА КАСПИИ

Рисунки Г. ФОРМАНОВА

Текст Е. БЫВАЛОВА

ЗЮЙД-ВЕСТ

КАСПИЙ спокоен. Чуть колышатся его широкие зелено-синие просторы. В шторм он стервенеет, крушит рыбницы, рвет и уносит сети, и горе ловцам, не успевшим укрыться в непогоду! Тяжела ловецкая доля. Хорошо это знают жены, сестры и матери рыбаков: не одного из них предательски поглотил ненасытный Каспий.

У отлогой оконечности косы, неподалеку от берега, покачиваясь, поскрипывая якорной цепью, стоит крутоносая рыбница. Павло, прочно расставив ноги на скользкой, покрытой инеем палубе, привязывает новый шкот. Павло черногорец. В огневом восемнадцатом, скрипя зубами, топил вместе с другими миноносец „Керчь“. Падая от усталости, изнывая от жажды, отбиваясь от золотопогонных банд, пробирался с братвой и Кукелем во главе по безводной калмыцкой степи в Астрахань. На пару со старым водолазом Водоватовым вооружал волжские буксирные пароходы, устанавливая на них пулеметы и полевые орудия, превращая в речные канонерки.

Под Дубовкой его навернуло осколком шрапнели. Долго провалялся, истекая кровью, пока не подобрали свои. В лазарете бредил, борясь между жизнью и смертью. Даша, проводя бессонные ночи у койки больного, выходила моряка. Когда прогнали беломуть, Павло, женившись на Даше, остался здесь. Работая в „путину“, когда ходко идет жирная сельдь, судак, лещ и вобла, в это горячее для ловцов время, на пару с мангишлакскими рыбаками, далеко выходил с ними в синюю даль Каспия. Сейчас он, потирая озябшие руки и кивнув в сторону нахмурившегося горизонта, недовольно ворчит:

— Я тоби що казал? Ты, Герасим, глянь! Свежает? К вечеру ще бильше разберется!..

— Етта ты не ошибси. По осени Каспий бунтует... Серьезное море!.. Опять же северяк как задуить... Еслиб не „краснoловие“, я бы ни за какие пряники...

— Не море, а лоханка!

— У нас на Черном море, ежели навернеть зыбь, так то зыбь!..

— Чего там у вас, — перебил Герасим, — небось у нас тож как задует, не возрадуешьси.

Туже подтянув сделанный из сетки пояс, поправил на жилистой шее вязанный руками жены грубой шерсти шарф. Внимательно оглядел обледенелую рыбницу; заметив какую-то неисправность в одном из блоков, густо ругнулся:

— Я тоби скольки раз казав, опять нэ доглядив! Из-за этого самого люди гибнуть...

Вставив новый штырь, гаркнул:

— Герасим!

— Ну?

— Пошел хфал!

По мере того как подымался многофутовый просмоленный парус, прозрачными стеклянками сыпались на палубу льдинки.

Когда рея дошла до места, Павло, разнося шкот на корму, крикнул:

— Выбирай якорь!..

С носа раздалось хриплое:

— Га-то-ва!..

Герасим Клешня — хозяин рыбницы, доставшейся ему в наследство от брата Никиты, погибшего в море. Бешеным ураганом нагнало в реки, речушки и рукава громадную зыбь, затопив сорок таких сел, как Харбай, Зеленга, Карлат, Вышка, Митное.

На фабриках-промыслах погибли сотни тысяч засоленной и готовой к отправке рыбы. В то самое время лютым ледяным штормом захватило тяжелые неуклюжие рыбацкие посудины. Долго боролись в окаянной стыли, призывая на помощь, ловцы. Много их тогда поглотил в своей ненасытной ярости сердитый Каспий.

Потрепанная, побитая штормом рыбница свалилась Герасиму, как снег на голову. С малых лет привык он работать на бахчах, на огородах, а тут еще, как на зло, поперла многомиллионным косяком сельдь. Заметался, не зная, что делать, Герасим Клешня. С одной стороны, приходят ловцы с полными трюмами жирной серебристой рыбы, с другой — он ни в парусах, ни в снастях, ни в сетях и вообще во всей этой рыбацкой муре ни черта не понимает. Ожесточенно скребя в затылке, обращаясь к соседям, ворчал:

— Вот не было печали!..

В горячке да в хлопотах вспомнил, что на острове Кулалы, в тридцати верстах от Баутина, есть у него дальний родственник, прорыбачивший всю жизнь, девяностолетний, но все еще крепкий старик Василий Дмитриевич.

Нет ловца на Каспии, который перед выходом в море не зашел бы к деду и, посоветовавшись с ним о том и о сем, не спросил бы его о погоде. Посмотрит старик на море, а ночью на звезды и предскажет за неделю, за две вперед. Никто не помнит случая, чтобы старый рыбак ошибался. Внимательно выслушав Герасима, поучал:

— Звестно, надыть табе искать ишшо кого-нибудь, только ладных да крепких робят. На паях, значит.

— Лов — етта дело сурьозное, што к чаму надлежит... Опять жа-ж табе одному никак не справиться, потому Каспий — ен шутить не любит. В случае — удача, в случае знацца возьмешь, лов делится так: кажному по одному паю, а табе вдобавок ишшо два: один за рыбницу, другой за снасть...

— Выходит — товарищество на паях?

— Во-во, оно самое...

— Кого-ж ты мне посоветуешь, Василий Дмитриевич, взять? Сколько живу, я сроду в море не бывал...

Дед, попыхивая трубочкой задумался. На переносице сошлись седые вихрастые брови. Через минуту простудным от морских штормов голосом предложил:

— Кого-ж больше? Рази Павла Опанасенко?.. Мужик ладный, по рыбальству с малых лет... Етот табе у самый раз!..

. . . . . .

Весенней „путиной“ впервые вышел Герасим в море. Попав в свежую шквалистую погоду, укачавшись, как пласт, лежал он на палубе. Все, что поел, все „вытравил“ за борт. Через два-три дня попривык. Трещала снасть, когда тащили одуревшую сельдь. Здорово они тогда подработали! С тех пор не расстается Герасим с Павло.

Вздулся просмоленный парус. Несложный такелаж ветром колотит о поскрипывающую мачту.

Чем дальше выбирался Павло в море, тем круче и яростней становилась зыбь. Оглянувшись еще раз назад, увидел, что еще немного, и скроется берег. Вспомнил просьбу Даши, где-то в мозгу шевельнулась тревога: „Ветру до чорта... Мороз... В такую погоду не поработаешь! Як там нэ крути, а трэба було переждать... Снасть каленая... В блоке заест — и амба!..“

Досадуя на себя, озлился.

„С малых лет у море... Скильки разов приходилось погибать, не в таких були еще переплетах!..“

А ветер все крепчал и крепчал.

К концу дня зыбь все чаще и чаще „задавала“ на покрытую льдом палубу. Надвигалась ночь, морозная, штормовая.

Павло, вцепившись глазами в горизонт, насупился. Герасим, поеживаясь от холода, посиневшими пальцами нервно сворачивал козью ножку, пытливо всматриваясь в застывшее лицо товарища.

Всякий раз, когда рыбница, взметнувшись на встречной волне, жалобно скрипя бимсами, тяжело падала между двух пенистых валов, у него сосало под ложечкой, тенькало сердце и странно холодел затылок.

Он глубоко верил в Павло, в его знания, он много раз имел возможность в этом убедиться, но при виде оголтелого, разбушевавшегося в слепой ярости моря его колотила мелкая дрожь.

Спустя полчаса, когда на палубу с ревом вкатились одна за другой две громадных волны, Герасим, трясясь от страха, не выдержал:

— Павло, што хошь делай, я не могу больше!.. Нет сил терпеть... Надо в берег...

Павло, еле двигая застывшими губами, переспросил:

— В берег, говоришь? Слабит?.. А ты гайку подвинти...

— Надо на якорь... Ты посмотри на себя?.. Мокрый весь, оба измокли. Чего зря морозиться... Ночь отстоимся...

Павло молча что-то обдумывал. Сообразив, что еще немного — и он выбьется из сил, а доверить рыбницу Герасиму в такой шторм он не может, согласился:

— Як бы-ж ты моряк, а то из тэбэ такий моряк, як я поп! Ну добре... У берег я ни пийду, а на рейде за пароходами укрыться можно... Та нэ цукоти ты зубами!..

— Вот, вот,— обрадовался Герасим.— Там разведем огонек, поставим чайничек... чайку изопьем, а то простыл я совсем... Ишь, морозище-то какой!

— Ты подывись на руки — заклякли, нэ разогну...

— А што если домой? — запинаясь, несмело предложил Герасим.

У Павло на переносице сошлись черные брови. Лицо сломалось злобой. Топнув ногой, крикнул:

— Ты що? Сказылся? Що на рейд, що до дому — один чорт!.. Ночь, хоть глаза выколи!.. Кругом меляки...— Заметив, что у Герасима както задергались губы, успокаивающе добавил:

— Простоим за пароходом у затишке до зорьки и гайда!.. Сейчас самое „красноловье"!.. Люди ловлють на полный ход. А мы что? Вакса? Цэ тоби не вобла! Тоби охота прохлопать эти последние два дни?

Герасим безнадежно махнул рукой. Павло отложил руль. Взял курс на рейд. Набрякшими глазами, привыкшими видеть за мили, зорко всматривался в ночную темь, пытаясь увидеть рейдовые огни стоящих на якоре пароходов. Нос, борта и такелаж, обдаваемые зыбью, моментально обмерзали. Герасим едва успевал топором скалывать лед. Павло почувствовал, что нос рыбницы обледенел и с трудом подымается на волну. Ежеминутно сквозь стиснутые зубы хрипел:

— Р-руб-би!..

Герасим, посиневший от стужи, окатываемый зыбью, негнущимися пальцами схватил топор. Еще немного, и он свалился от усталости. Задыхаясь от леденящего ветра, моляще посмотрев на Павло, простонал:

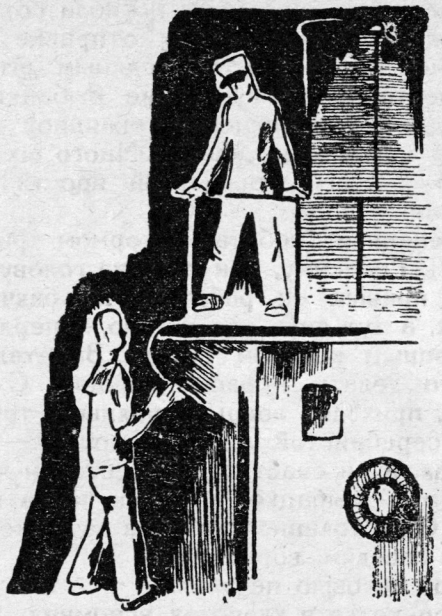
— Н-не мо-гу...

В ответ хриплое:

— Р-руб-би!

Под тяжестью льда рыбница оседала все ниже и ниже. Еще час-другой — и борта коснутся воды. Тогда... тогда — смерть.

Управлять рыбницей становилось все трудней и трудней, так как она почти не слушалась руля. Павло, притронувшись к обмороженной щеке, почувствовал, что она стала твердой, как кость. Напрасно Павло, стараясь покрыть рев ветра, звал приятеля помочь ему потравить гика-икот. Герасим, прикорнув у мачты, смотрел на него ничего не понимающими глазами. На помертвевшем лице застыл страх. У самого борта рыбницы вздыбилась многотонная громада, с грохотом обрушилась на палубу, смывая и коверкая все на своем пути.



Павло, проведший всю жизнь в море, штормовавший не раз у евпаторийских берегов, пользовавшийся репутацией „рисковитого", столько раз ухитрявшийся уходить от громадной зыби в осенние штормы с груженным до верху белугой, а то и осетром баркасом, понял, что ему не одолеть этих разбушевавшихся волн, этого ревущего в свирепой ярости ветра. В силу привычки не теряться ни при каких обстоятельствах мозг работал уверенно и четко.

— Надо парус взять на гитовы... А як его возьмешь?.. Озяб, силенки нехватить...

— Парус обледенел... Як доска...

— Не спустить — опрокинеть?..

Надсаживаясь, хрипло рявкнул:

— Герасим!.. Па-а-рус!.. Грот да-а-лой!.. От-дай хфал!.. Та не так!.. Но-жом!.. Ножом... режь!..

Заметив, что Герасиму одному не справиться, вытащил из голенища большой складной нож. С трудом, помогая себе зубами, раскрыл и пополз к мачте. Обмороженные кончики пальцев причиняли страшную боль. Напряг всю силу воли, чтобы не закричать. После нечеловеческих усилий, надрезав обмерзшую снасть, понял, что ему не справиться. Учел, что под давлением ветра полунадрезанный трос может лопнуть, а сорвавшаяся рея, упав на палубу, может убить. Стал пробираться к каюте. В низенькой, прокуренной насквозь махрой, закопченной, пропитанной запахом смолы и рыбы каморке в животном страхе, сжавшись в комок, громко всхлипывал Герасим.

Нащупав в темноте его бьющуюся об пол голову, Павло прохрипел:

— Теперь нам крышка!..

У Герасима со стоном вырвалось:

— Значит, погибать?

— Ам-ба!

С треском и грохотом что-то обрушилось на палубу. Герасим дико, по-звериному завыл:

— А-а-о-а!..

Павло схватил его за плечи, с силой тряхнул:

— Цыц ты!.. Это рея... Я хфал надрезал...

— Стра-а-шно...

Никем не управляемую рыбницу, с обломанной, висящей за бортом реей и волочащимся по воде парусом то взмывало на гребень волны, то тяжело швыряло в пропасть. Павло чувствовал, как у него деревянеют ноги. Нащупав несколько поленьев отсыревших дров, подумал: „Мокрые, хиба-ж их распалишь? Сухих щепок чорт ма!..“ Вспомнил, что на стене висит деревянная икона, буркнул:

— Повисела и будет... Довольно дурака валять! Сухая, горытымыть... У самый раз...

Криво улыбнувшись, снял икону с суровым ликом Николая-Угодника. Усевшись подле камелька, стал строгать лучины. Из непослушных пальцев выпал нож. В голове мелькнуло: „Эх, и дернула-ж мэнэ нелегкая!.. Здря я тоды не послухав Дашу...“

Подняв нож, вновь принялся строгать лучину, приговаривая:

— Зараз разведем камелек. Загудыть на полный ход!.. Главное, ты... Герасим, не падай духом... Чаюхи напьемось... Даешь спички!.. Мои нэ годятся, раскисли...

Герасим, дробно стуча зубами, еле выговорил:

— Тут... В кар-м-ма-не... Я н-не мо-ггу...

Павло вытащил из кармана намокшей верблюжьей куртки коробок. Присев на корточки перед камельком, чиркнул одну, другую, третью, четвертую. В голове кудрявились мысли. Мечтал, как разгорится огонь, как забулькает в чайнике вода... Ругаясь и ворча себе под нос, в надежде найти сухую, нервно чиркал одну за другой. На дне отсыревшей коробки осталась еще одна, последняя. Боясь, что спичка не загорится, дрожащими руками, осторожно, стараясь не сорвать бумажку с серой, провел по коробке. Вспыхнула. Быстро поднес к нащепленной лучине. При слабой вспышке увидел, как у Герасима надеждой засветились глаза... Загорелась тонкая лучинка... Побежало пламя и погасло. Павло, стиснув зубы, подсел к Герасиму. Тупо, немигающими глазами уставился в одну точку. Вздрогнул, услыхав хриплый стон.

— Ну, чого тоби?

— Пав-ля... Мо-чень-ки... мо-ей... н-нет... За-с-тыл я сов-сем...

— Ты сиди... до мэнэ... Близче... Так теплище... Ось так.

Ловцы, крепко обнявшись, пытались согреть дыханьем друг друга. В усталом теле колющая боль. Павло, сломившись телом, прильнул к плечу товарища. Липнет дремота. Перед глазами встал стиснутый каменным молом Новороссийск... Медленно погружающиеся в прозрачную синь корабли с поднятыми на мачтах сигналами: „Погибаю, но не сдаюсь“. Срубистый берег Туапсе, открытые кингстоны на затопляемом миноносце „Керчь“... С ревом и гулом врывающаяся вода... Бои на Волге под Пичугой... Жарко натопленная хата, кроткая Даша и сынишка Петрусь... Неудержимо клонит ко сну.

Спустя несколько дней со сторожевого судна заметили низко сидящую в воде покрытую льдом рыбницу. Подойдя поближе, с мостика крикнули:

— На рыб-ни-це!

Ни звука.

Краснофлотец, посланный для обследования, вернувшись, доложил:

— Так что, товарищ командир, там двое... Сидят обнявшись...

— Их, должно быть, захватило штормом. Под тяжестью льда рыбница осела, скалывать не успевали...

— Все это я знаю. Старая история. Выходят в море на-авось... С штормовыми предупреждениями не считаются...

— Огня у них, должно быть, не было, а может, отсырели спички... Теперь до них не добраться. Обледенели... Не люди, а сплошной ледяной ком.

Командир, выслушав об'яснение, тяжело вздохнул:

— Да-а... Много ихнего брата гибнет в „красноловье“!

На минуту задумался и тут же позвал:

— Боцман!

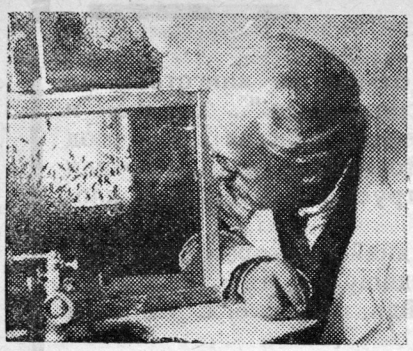
— Есть...

— Пошлите троих на рыбницу закрепить буксир!..

. . . . . .

На другой день рыбница была прибуксирована в Астрахань.

Дорогой ценой на сердитом Каспии в „красноловье“ достается рыба...



Саранчуки

К. КАРАЧАРОВ

ТЕМНЫМИ тучами движутся прожорливые стаи саранчи.

В районе крепости Кушки, что на самой нашей границе с Афганистаном, саранча летела сплошной массой, застилала яркое туркестанское солнце и небо от горы до горы. Шумом и воплями дехкан наполнились окрестные поселки.

Здесь же, на бесплодных холмах, оседали копошащиеся стаи, закладывали кубышки, из которых потом выведутся новые поколения. Часть летела дальше, на север, обрушивалась на хлопковые поля Байрам-Али, на хлопок и дыни Чарджуя.

Побежали по телеграфным проводам тревожные известия. Быстро организовались саранчовые штабы. На саранчовый фронт были брошены рабочие полки. Мобилизовались отряды Осоавиахима.

Желтый среднеазиатский вагон везет меня к югу—на „фронт". Чем ближе к районам, пораженным саранчовым бедствием, тем чаще мелькают на станциях фигуры уполномоченных по борьбе с вредителем агрономов, энтомологов. Грузятся и выгружаются мешки со жмыхом и ядами.

Борются с саранчой по-разному. Трудней всего бороться с взрослой, уже летной саранчой. Но зато она успевает, обычно, принести и меньше вреда, чем ее жадное потомство. Выводятся молодые саранчуки, собираются в громадные стада—кулиги—и движутся, все уничтожая на своем пути. Задача борьбы в том и заключается, чтобы остановить это движение, уничтожить насекомых прежде, чем крепкие их челюсти успеют дочиста сожрать все посевы.

Наш поезд медленно подходит к Байрам-Али. Из окон вагона видны длинные канавы. Будто и впрямь здесь идет настоящая война и вырыты настоящие траншеи и окопы. Канавы сменяются длинными блестящими лентами, извивающимися по земле, как змеи. Все это — приспособления для борьбы с саранчой.

Когда на байрамские посевы налетела саранча, все население приняло участие в борьбе. Большая работа выпала на долю местных пионеров. В Байрам-Али большой хлопковый комбинат, много рабочих, много пионеров.

— Вышли мы на нее с палками,— рассказывает мне смуглый, дочерна загорелый пионер.

— Почти из каждого дома кто-нибудь выходил, а наш отряд — полностью. Никто не подкачал.

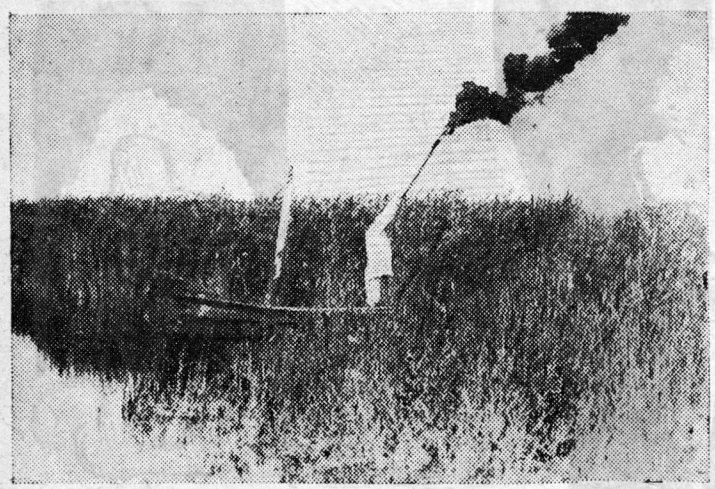
— Били мы ее палками, только трудно. Не сразу и попадешь: вылетает она большая, как воробей.

Летной саранче не дают садиться на поля и деревья. Стараются, чтобы заложила она яйца подальше от посевов и садов.

В некоторых районах аульные советы организовывали сбор населением заложенных саранчой кубышек. Иногда даже платили небольшую премию тем, кто больше наберет.

Местные пионеры часто показывали пример взрослым. Старательно обходили они отведенные им участки, собирали все до одной кубышки.

Этим не только помогали они в борьбе с саранчой, но и показывали старикам пионерскую дисциплину и организованность. А это имеет большое значение. В Средней Азии старики еще до сих пор неодобрительно смотрят на пионерские отряды, особенно на участие в отрядах девочек. Они все еще считают, что девочке нужно сидеть дома, а когда подрастет—закрыть лицо тяжелой сеткой из конского волоса и уж вовсе не показываться посторонним.



Саранча летит. Достойная встреча.

Так травят саранчу, которая еще не летает.

Я иду по узким улочкам Байрам-Али. Маленькие глиняные домики лепятся друг к другу слепыми своими стенами без окон, как соты в улье.

Через тесную площадь тянется караван верблюдов. Они идут гуськом, медленно и важно покачивая безобразными своими головами на бесконечно длинных шеях.

Город кончается. Вдоль пыльной дороги тянутся поля, перерезанные арыками. По арыкам течет вода, орошает поля, несет с собой влагу и жизнь. Часть посевов тронута летной саранчой, но ее прожорливому потомству уже не удастся продолжить уничтожение хлопка.

Ярко блестят на солнце полотняные палатки. Я приближаюсь к лагерю отряда по борьбе с саранчой. Население Средней Азии называет всех, кто борется с саранчой, „саранчуками", хотя ученые зовут так молодую, еще не умеющую летать саранчу.

Я подхожу к палаткам. Загорелые, полуголые „саранчуки" отдыхают от тяжелой своей работы под палящим солнцем. На устроенном в земле очаге кипит задымленный чайник. Рядом сложены в кучи мотыги и лопаты.

Встречают меня приветливо, показывают и об'ясняют, как ведется борьба.

Когда молодая ползучая саранча начинает собираться в кулиги и движется сплошной лавиной к культурной полосе, на пути ее роют глубокие канавы.

— Канавы приходится рыть заранее,—об'ясняет мне комсомолец-туркмен,— но не всегда можно правильно определить направление. Много канав потому копаем зря: саранча проходит мимо.

— Да, со щитами работать куда способней,— прибавляет пожилой рабочий с хлопкового завода.

Длинные железные ленты, которые я видел из вагона и которые теперь рассматриваю вблизи, состоят из отдельных щитов, соединенных между собой кольями. На пути движущейся саранчи быстро расставляют сплошную загородку из щитов. Саранча, наталкиваясь на препятствие, ползет вдоль щитов и попадает в специально вырытые ямы.

Позже, уже под Мервом, мне пришлось наблюдать движение саранчи.

Кругом, на пространстве в несколько десятков метров, двигалась розовато-грязная масса. Сплошной копошащийся поток слоем в несколько сантиметров тек с неумолимой неизбежностью.

Один слой насекомых покрывал другой. Наиболее сильные выползали наверх. Более слабых, полураздавленных тут же мимоходом пожирали свои же собратья.

Казалось, ничто не в силах остановить это движение. Но вот саранча натолкнулась на щиты и стекает вдоль них в глубокую яму.

Громадная яма, в несколько метров глубиной и метров в десять шириной, наполняется в каких-нибудь двадцать минут до самого верха. Стоящие наготове с лопатами „саранчуки" быстро засыпают яму землей. Ноги их по щиколодку погружены в густое саранчовое месиво. От раздавленных насекомых на сапогах остается липкий след.

В чайханэ против мервского вокзала я жду поезда на Кушку. Медленно тянется день в расплавленном и пыльном воздухе. Маленький город замер в этот жаркий полуденный час. На мягких кошмах чайханэ неторопливые туркмены пытаются утолить жажду приятным терпковатым кок-чаем. Мимо изредка проезжает всадник в долгополом цветном халате верхом на крохотном ослике, проносится единственный на весь город автомобиль, медленно проходят несколько верблюдов.

И вдруг резкие звуки духового оркестра у вокзала. Со всех сторон начинает стекаться народ. К платформе изнывающего под солнцем вокзала медленно подходит бесконечный эшелон теплушек. Короткий перелив сигнала — и шумным отзвуком уже полузабытых военных времен, сутолокой уходящих на фронт армий наполняется мервский вокзал.

Первый рабочий полк Осоавиахима возвращается с саранчового фронта. Полтора месяца проведено под палящими отвесными лучами солнца на афганской границе. Полтора месяца борьбы с темными стаями розово-молочной саранчи, с ее ползучими детенышами, борьбы на бесплодных, унылых горах возле Кушки.

Пытаюсь представить себе эту туркменскую молодежь в ярких цветных полосатых ватных халатах, и становится смешно.

Лишь неизменная, ставшая интернациональной тюбетейка одинаково прикрывает черную синеву непокорных туркменских волос и русскую выцветшую кудель.

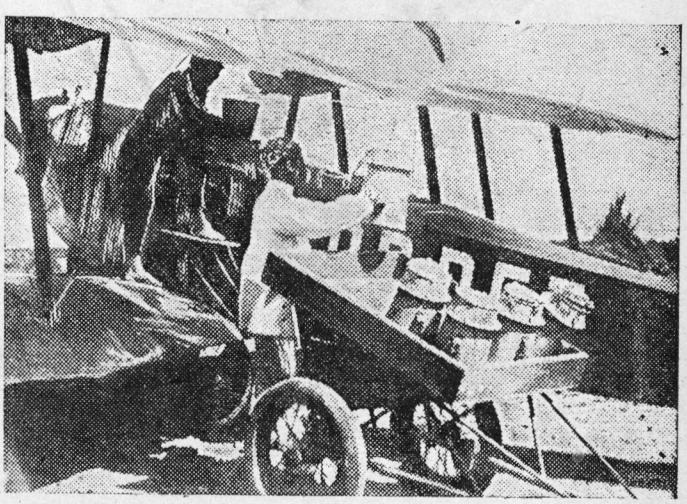
— Очень устали, товарищ? — спрашиваю одного.

— Конечно, устал, все устали,— нетвердо по-русски отвечает и улыбается,— но ничего, мало-мало помогли...

Лаконические слова прибитого к двери одной из теплушек красного знамени, поднесенного декханами, говорят лучше всего о работе осоавиахимовцев:

„Первая рота в борьбе с саранчой делом показала смычку города с деревней. За активную помощь в борьбе приносит благодарность Моргуновский сельсовет".

Дружные усилия, быстро организованная борьба спасли урожай, спасли тысячи тонн хлеба и сырья для наших фабрик.



Самолет привез отраву для саранчи.

КОММУНА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

О. ШВАРЦ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)[1]

„ГЕОГРАФИЯ КОММУНЫ“

ТАК как коммуна очень большая и управлять ею очень трудно, то она разбита на пять экономий. Каждая экономия как бы представляет собой отдельный колхоз со своим правлением. Но все они подчинены общим задачам коммуны, и их правления работают под руководством совета коммуны. Вот название экономий: Акуловская, Батраковская, Лысогорская, Форштадская и Черкасская. В состав некоторых экономий входят по нескольку хуторов (деревень). А всего в коммуне 16 поселений. Четыре хутора — Верхне-Бубновский, Нижне-Бубновский и Медведевский—имеют одно общее название „АКУЛОВКА“.

Когда-то здесь было товарищество по совместной обработке земли. Называлось оно „Красная Акуловка“.

БУДЬТЕ ГОТОВЫ

В середине марта по коммуне проводились смотры подготовки к весеннему севу.

Колонны в полном составе, со всем инвентарем, скотом и т. д., выезжали на поля, но не работать, а показать свою готовность.

Председатель коммуны, агрономы, члены совета коммуны обходят колонны, осматривают инвентарь, скот, задают вопросы:

— Ну, как — плуг у тебя исправен?— обращается председатель коммуны к плугатору. Кругом смех, шутки. Плугатор явно смущен.

— Исправен.

— А где у тебя чистик, есть ли ключ?

— Чистик... чистика действительно нет... Еще не сделали. Но только плуг исправен!

— Ну, а как же с ключом? Что ты будешь делать, если у плуга гайка ослабнет?

— Ключа — его действительно нет. Он как бы в роде затерялся. А только был. А насчет плуга... вы не беспокойтесь—плуг вполне исправен,— поспешно заканчивает плугатор.

Идем дальше...

Слишком худая лошадь.

— Надо подправить,— говорит председатель начальнику колонны. Тот записывает. Кое-где и кое в чем есть мелкие недостатки: нет деревянной рукоятки на ручке плуга, сбруя требует починки, сеялки не вполне собраны. Это мелочи. Но, не устранив этих мелочей, нельзя приниматься за работу. Поэтому и председатель коммуны и начальники колонн записывают все эти мелочи в свои блокноты.

В общем же смотр показал, что коммуна к севу готова, что настроение у колхозников бодрое.

После смотра колонны возвращались домой в хутора.

Это было величественное зрелище.

Длинной цепью растянулись плуги, арбы, нагруженные боронами, бичевами, бочками, за ними, важно тарахтя, подпрыгивали сеялки, а сзади ехала „тяжелая артиллерия“ — походная кухня. Волы, солидно сопя, лениво переставляли ноги, меся снег с грязью, передвигая свои массивные, похожие на глыбы туловища. Лошади звонко ржали. И с крыши какого-то сарая всю эту процессию громко приветствовал громадный голосистый петух.

СОРЕВНОВАНИЕ

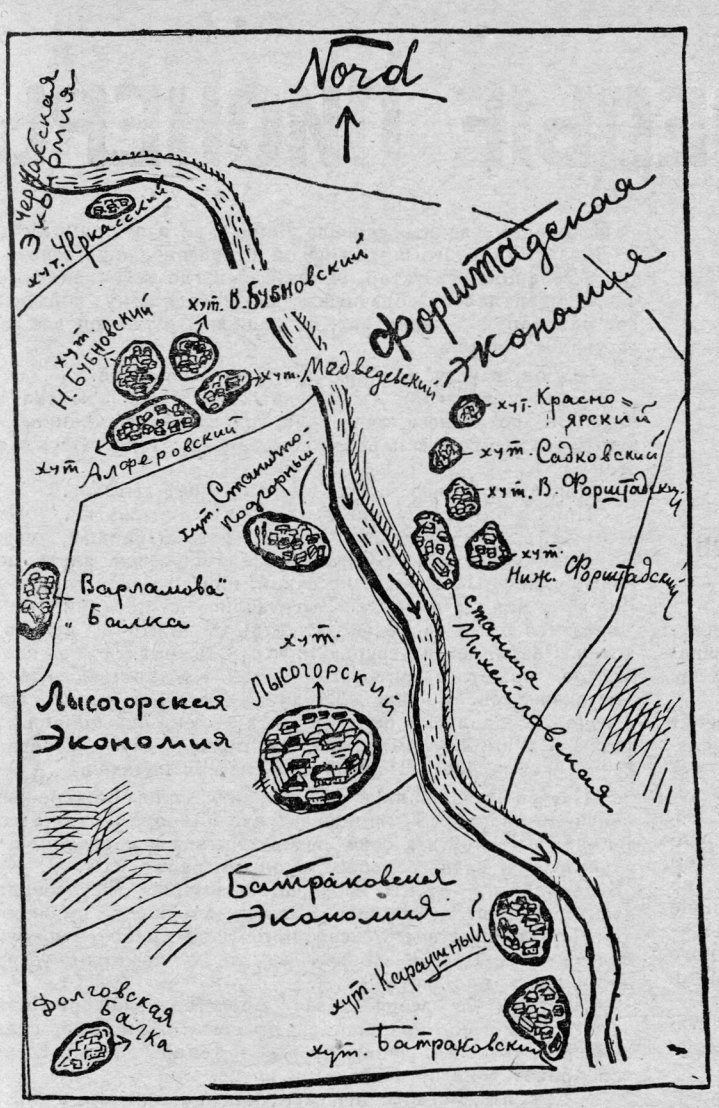
Через пару дней после смотра выпал снег и ударил легкий морозец. Я решил отправиться на лыжах из Акуловки в хутор Батраковский. Расстояние между ними — километров двенадцать.

Хорошо итти на лыжах в легкий морозец по крепкому насту. Особенно, когда в спину дует ветер.

Шел полем. Попадались отлогие овражки, замерзшие ручейки. Потом дорога пошла холмистой степью. С горки на горку. Ветер в спину. Шелестят лыжи по крепкому насту. Налево Лысогорский хутор. Впереди степь. Белая, покрытая настом.

Две темных точки. Это впереди. Но это не кусты и не деревья, потому что они движутся. Это и не люди: людям нечего делать далеко от дороги.

[1] См. 1 очерк в № 16 „История о Золотом зубе и о кулаках по „духу“.



Одна точка приближается. Далеко, но видно, что это собака. Серая, большая.

Шелестят лыжи. Ветер дует в спину.

Нет, это не собаки. Это — волки.

Волки? Два.

Быть с'еденным волками? Нет!

Резко поворачиваю влево и несусь к Лысой Горе. Один волк несется за мной. Другого не видно (должно быть, перебирается через овражек).

Дорога идет под гору. Иду на левой руке. Правой вынимаю большой финский нож и беру его в зубы. После этого опять иду на обеих.

Оглядываюсь. Вдали виден второй волк. От первого меня отделяет не больше 100 метров.

Но дорога идет под гору. С крутой горы можно развить скорость до 60 километров в час. Волк больше 30 не даст. Значит, он отстанет. Хутор ближе и ближе. Только бы не упасть!

Доносится лай собак. Видны люди. Беру обе палки в левую руку, правой прячу нож. На ходу оглядываюсь — волков нет.

Чуть не налетел на плетень. Однако затормозил, сев сразу на обе палки.

За плетнем бородатый дядя. Он видел всю эту гонку с начала до конца и... даже пальцем не шевельнул.

— Однако тут у вас волки шалят!

— Нет, у нас волков нет.

— Да сейчас за мной гнались!

— Так это собаки. Ивана Петровича они.

И ушел в хату.

Я остался один у плетня, ничего не понимая.

Раз это собаки, то что они делают в степи? И зачем они так смахивают на волков?

Однако стоять в поле у плетня и предаваться размышлениям, да еще в мороз и ветер, скучное занятие. Поэтому, повернув обратно, я продолжал путешествие. Вот я влез уже на горку, повернул, прошел метров двести. Прямо передо мной балка. Надо обходить. Повернул.

Вдруг из балки выскакивает громадный серый волк и, усевшись, скалит на меня пасть. Между нами — не больше десяти шагов. Роняю палку, хватаюсь за нож и освобождаю ноги из лыж.

Волк сидит. Второго не видно.

Напасть самому или дожидаться нападения?

С одной стороны, напасть выгодно, пока нет второго волка, с одним легче покончить. С другой стороны, может быть, волки не решатся нападать, тогда я избавлюсь от рваных ран и вообще от всякого риска.

Напасть? Не напасть? Напасть — не...

Из оврага появляется второй...

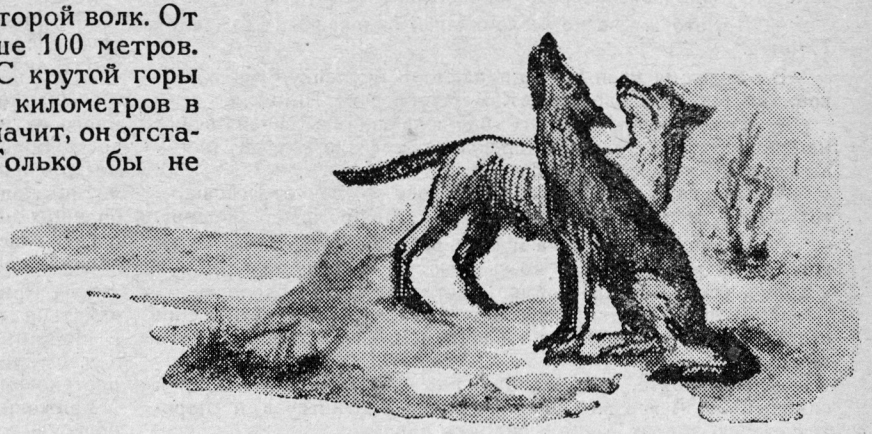
Громко расхохотавшись, я кладу нож в ножны, надеваю лыжи, беру палки и еду дальше.

Второй волк — черный, с желтыми ушами. А я еще никогда не видел черного волка с желтыми ушами. Зато я видел таких дворняг. Кроме того, я видел не мало псов, сильно смахивающих на волка.

На продолжении остального пути я не встретил ничего сколько-нибудь похожего на волка.

Разлагающаяся дохлая лошадь об'яснила мне присутствие собак далеко в степи.

(Продолжение будет)



Слепые пионеры

М. ДОХМАНОВ

— Ну, ребята, начнем. Сегодня сбор отряда должен рассмотреть вопрос—выезд в наш первый лагерь. Выезд назначен через 10 дней,—говорит вожатый Баска. Подымается лес рук желающих высказаться.

— Вот что—в лагерь с нами нужно взять в помощь пять ребят зрячих,—говорит Тимофей Ампалогов. Он—стопроцентный слепой, ничего не видящий. Он—застрельщик всех новшеств, первый озорник и первый пионер.—Нам нужны зрячие, они нам помогут, а там сами привыкнем и лучше их будем делать.—Баска, нужно взять с собой пьесы, книги наши по Брайлю,—предлагает Маруся Дмитриева, пионерка звена КИМ.—Мы будем их читать в лагере крестьянам и ребятам, а то нам и не поверят, что мы можем читать. Нужно взять и побольше приборов Брайля для письма.—Нужно перестроить звенья,—предлагает Мироннко,—чтобы в каждом звене был немного видящий. Мы тогда сумеем легче ходить на экскурсии, с ними легче будет изучить деревню, совхоз, за продуктами ходить.—Предложений много. Наконец, Баска все подытожил. Постановление принято. Шумной гурьбой валят ребята из пионерклуба.

Десять дней подготовки перевернули весь уклад отряда. Ежедневные занятия по гимнастике, звеновые сборы, разговоры: как ехать, „что увидеть“, каково море, горы, а пустит ли заведующий купаться и т. д.

Наконец, наступил долгожданный день. В пять часов горн трубит сбор. Отряд выстроился с пятью зрячими пионерами.

— Предлагаю итти по-трое, в середине немного видящий!—кричит Тимоша,—чтобы отряд шел, как все отряды.

— По-трое, по-трое стройся. Звеновые, проверь скатки. У всех ли кружки, галстуки?—слышна команда вожатого.

— В поход!—и отряд тронулся. Вокзал. Уговор—не расходиться. Но Яше не стоится. Он находит своего верного товарища в проказах—Тимошу.

— Пойдем, „посмотрим“ паровоз, он третьим от нашего вагона, погрузка будет через полчаса.

Два верных друга быстро оказались у паровоза. Пошли руки в ход. Десять пальцев, глаза слепого стали медленно, а потом уверенно скользить по колесам.

— Да, это штука не маленькая,—философски замечает Тимоша.

В это время руки Яши попадают в масленку. Что-то липкое, тягучее. Он недоумевает. Пощупал руку Тимофея.

— Эй, паренек!—кричит наблюдавший с своей будки машинист,—ты, гляди, измараешься нефтью, рукой попал в масленку, черным будешь.

— Ничего, революция не пострадает,—отвечает Тимоша,—вот лучше, товарищ машинист, расскажи про свою машину.

Машинист охотно слез и стал ребятам показывать паровоз. Он их рукой шарил по колесам, по винтикам, повел к топке, рассказал про тормоз Вестингауза, про скорость.

Обратно мальчики приходят к своему вагону легко. Они отсчитали, когда уходили, пятьдесят шагов и теперь легко его нашли.

— Ну, ребята, мы „видели“ настоящий паровоз. Ох, и сильный он! А все же, дернешь ручку Вестингауза, и паровоз станет, значит, тормоз сильнее паровоза.

Это очень заинтересовало Леню. Где этот таинственный „тормоз“? Он долго шарил рукой по вагону, ничего не выходит.—Товарищ кондуктор, покажи мне, где у вас здесь тормоз,—догадался он обратиться к проходящему кондуктору. Тот недоверчиво посмотрел, но решив, что слепой все равно не увидит, сказал:

— Вон, в углу, иди прямо, только не дергай.

Через две-три минуты в руках Лени была рукоятка тормоза. Все сотряслось, зазвенело, пришло в волнение, кондуктора в смятении, паровоз вопрошающе гудит. Весь состав стал.

Через несколько минут Леня получает выговор.

Приказ по отряду—собрать все вещи, скатки, кружки, разгрузиться в порядке. Пошли руки-щупальцы шарить. Более аккуратные, как Сеня Гусаков, все свои вещи пометили рельефным знаком, насечкой, или что-либо привязали. Кое-кому зрячие помогли. Выгрузились с песнями, шумом. Через час были на месте. Об отдыхе никто и думать не хотел. Разбились по группкам: кто чуть видит, кто вообще быстро может освоиться с новой местностью, где зрячие оказались. К морю сбегали, в парк сходили, словом, к вечеру собрались „баланду“ водить, и посыпались рассказы. Предприимчивый Тимоша привел двух „корешков“, крестьянских ребят. Первый день лагеря начался.

Наутро приступили к составлению плана. Каждое звено получило задание. У „кимовцев“ два немного видящих и один зрячий. Им—пойти в село, познакомиться с населением, чем занимаются, сколько дворов, сколько ребят и т. д. Звену „Буденовцам“—изучить кооперацию, рынок. „Фрунзовцам“—культуру и быт, установить связь с ячейками, пионеротрядом. При обходе взять с собой пишущие приборы и бумагу для записей. Другим звеньям вместе с вожатым устроить площадку и поставить мачту.

К открытию лагеря назвали представителей организации ребят и крестьян. Разработали повестку: Тимофею сделать доклад—как жили слепые прежде и теперь, Марусе Ефремовой приветствие и спектакль в клубе.

— Ребята, давайте покажем, как мы пишем и читаем, сделаем доклад и приветствие письменно, а то не поверят,—заявляет рассудительная Валя Кошаль.

Клуб совхоза полон народа. К столу выходит Маруся, в руке у нее большой лист александрийской бумаги, сложенный четвертинкой,—он весь натыкан точками — шрифтом Брайля. Маруся кладет его на стол и начинает водить двумя пальцами обеих рук, т. е. указательным и средним, слева направо, ощупывая каждую точку. Аудитория напряженно следит.

— Товарищи, мы, слепые пионеры, приехали сюда не только отдыхать,—читают ее пальцы,—но показать, как советская власть заботится обо всех детях и о слепых также. Мы хотим у вас научиться труду, чтобы потом быть полезными гражданами, а не инвалидами, как прежде, при царе.

Пальцы уверенно скользят, не сбиваются. Кончает она под гром аплодисментов всех собравшихся.

Один из присутствующих заявляет:

— Может, там ничего и не написано, а так, на память говорилось? Мы сейчас ее испытаем. Я ей продиктую на ухо, а она запишет, потом и прочитает нам.

Предложение всем понравилось, одобрили. Маруся немного смущена, но охотно соглашается. На столе появляется доска Брайля, при посредстве которой слепые пишут. Она металлическая, имеет форму переплета книги, средней величины, разделена в длину и ширину на ряд отдельных, не больших квадратов. В этот прибор кладется толстая бумага, и натыкаются справа налево похожим на шило „слепецким карандашом“ точечные буквы. Всех точек шесть.

— При их помощи можно все писать, арифметические действия производить и ноты писать,—об'являет девочка. К Марусиному уху наклоняется густая борода и что-то шепчет. Маруся быстро тыкает точки. В помещении слышится постукивание будто аппарата Морзе. После пятиминутного напряжения Маруся вынимает лист и начинает читать на обороте, где получился рельеф уже слева направо.

МАЯКОВСКИЙ на сцене

И. Березарк

ВО ВРЕМЯ первомайских празднеств или в дни Октября в демонстрацию несут огромные чучела — попа, кулака, вредителя, саботажника, пьяницы, Чемберлена. Эти пестрые чучела, как флаги, плывут над толпой. Вот огромная фигура рабочего, строящего социализм, или целая группа на автомобиле: здесь и рабочий от станка, и поп, и вредитель. Разве эти попы и вредители похожи на живых людей? Ведь задача праздничного карнавала — заклеймить врагов и показать во всю ширь силу рабочего класса. Потому даются здесь огромные фигуры, все недостатки преумножаются, преувеличиваются, чтобы их видно было издали.

ТЕАТР ПОЭТА

Маяковский в своем творчестве говорил с широкими массами. Крупный поэт не брезговал писать рекламы для советского производства, агитационные стихи, частушки. Он не стыдился горланить на площади, как горланит многочисленная толпа на площади во время первомайского карнавала. И когда Маяковский стал писать для театра, он и здесь стремился к пропаганде, к ударности, к тому, чтобы за километр было видно, что хорошо, что плохо; а если зритель сразу не разберет, тогда можно было и надпись привесить. Совсем так, как делают организаторы пролетарского карнавала на площади. Его пьесы должны были с силой бичевать недостатки, показывать зрителю, что плохо, что хорошо, с чем надо бороться, чему надо учиться.

А старый театр показывал жизнь, как она есть, переживания маленьких людей и как они относятся друг к другу, как живут, спят, любят и бранятся; так что зритель сразу не разберет, что хорошего в их жизни, что плохого, с чем нужно бороться и чему учиться.

Вот о старом театре и говорил Маяковский:

Смотришь и видишь,
Гнусят на диване
Тетя Маня
И дядя Ваня,
А нас не интересуют
Ни дяди, ни тети—
Тетю и дядь дома найдете.
Мы же покажем настоящую жизнь,
Но она
В зрелище необычайное театром превращена.

И поэт стремится превратить жизнь в необычайное зрелище. Еще совсем молодым он пишет странную пьесу, которую ни тети Мани, ни дяди Вани никак не могли понять. На сцене мы видим самого поэта (пьеса так и называлась „Трагедия и Владимир Маяковский“) посреди странных карнавальных фигур, которые несут поэту человече-

---

— Мы очень довольны,— читает она,— что советская власть заботится о слепых детях и дает им возможность учиться и трудиться наравне со зрячими.

Следующим—доклад Тимоши. Это присяжной оратор и агитатор отряда. Говорит всегда уверенно.

— Товарищи,—звонко раздается его голос,—слепые ребята—это дети бедноты. О них буржуазное общество плохо заботилось. За людей почти не считали. Слепых обижали и унижали. Сначала школ не было, а потом стали в XVIII веке благотворительные общества строить приюты. Строили потому, что давали пожертвователям медали и чины. Учили там немногому, а еще меньше труду. Больше начиняли законом божиим. Бесправие и нищета—вот был удел слепого. Теперь не то. Слепота—это несчастье, и в несчастьи нет обиды. Советская власть призвала нас в ряды трудящихся. Наши школы учат так же, как и в зрячих школах, по такой же программе. У нас есть мастерские—трикотажные, портняжные, щеточные и около сотни других видов труда для слепых. Мы учимся и в общей школе со зрячими, на рабфаке, вузе и на общих фабриках и заводах работаем. У нас много пионеров, комсомольцев и партийцев. Мы идем в ногу с рабочим классом и будем строить вместе с нашей ленинской партией социализм. Нам не нужно жалости, а нужно, чтобы зрячие товарищи смотрели на слепого не как на немощного инвалида, а как на людей трудящихся. Мы сейчас работаем, живем своим трудом. В ногу со зрячим—вот наш лозунг.

Дня через два совхозовские рабочие, идя на работу, могли видеть красивое зрелище. Отряд слепых ребят, вперемежку со зрячими, на большой площадке проделывал гимнастические упражнения. Первые упражнения Баска об'яснял, потом расставлял ребят, сам становился, и его осязали.

Через месяц произошла встреча трех отрядов. Каждый показал свое. Слепые пионеры очень уверенно выступили в упражнениях. При обмене опытом в отряде „К свету“ нашлось очень много полезного для зрячих отрядов. Вечером слепые поставили спектакль „Домовой“ и концерт. Совхозники нашли, что ребята ладные.

За лето научились плавать, экскурсии длительные совершать. Кончили лагерь. Подвели итоги. Похвалила ячейка, крестьяне просили вновь приехать. Жалко расставаться. Благодарили за переработанный участок, который к от'езду поспел. У всех коллекции ракушек, гербарии. Ракушки рассматривали пальцами. Уехали бодрые, загорелые, уверенные в своих силах. Учиться, работать, жить вместе со всеми и как все!

ское горе в виде огромных слез и „слезищ". И с этим горем поэт идет вперед вперед, в какую-то неведомую страну.

ЧИСТЫЕ И НЕЧИСТЫЕ

После Октябрьской революции, в 1918 г. он написал вторую пьесу под названием „Мистерия Буфф". Странная пьеса. На сцене не что-нибудь, а весь земной шар. Кругом люди двух видов: чистые и нечистые. Чистые—это абиссинский негус, паша, российский спекулянт, Клемансо, Ллойд-Джорж; нечистые — шоферы, шахтеры, плотники, рабочие разных стран. На сцене у маленького земного шара происходят в миниатюре мировые события. Чистые и нечистые плывут в ковчеге; нечистые побеждают чистых, попадают на небо, где разгоняют бога и всю его свиту.

— Непонятно,—говорили тети Мани и дяди Вани.

Действительно, эта пьеса совсем непохожа на пьесу старого театра. Она, пожалуй, напоминает сказку, если б только с этим понятием не были связаны сентиментальные представления о счастливых принцах и благородных мальчиках. Это образец настоящего героического и фантастического революционного представления.

Через год после того как эту пьесу ставил в своем театре один из крупнейших деятелей современного театра Мейерхольд, пьесу ставили в совершенно ином виде школьники „школы эстетического воспитания". Без всякой декорации, прямо на полу сооружения из столов и стульев и наспех сделанный из карт земной шар. В первый момент руководители школы боялись — ребята не поймут сложных и тяжелых стихов. Но ребята отлично поняли и представляли с большим удовольствием, гораздо лучше и занимательнее, чем другие пьесы, специально написанные для ребят. Этот спектакль был показан в Экспериментальном театре перед массовой пионерской аудиторией и принят был зрителями отлично.

НА ФОНЕ БУДУЩЕГО

Иван Грозный, Петр I, Федор Иоаннович и десятки других героев прошлого двигались в старых пьесах. Прошлое было излюбленной темой для театра. Маяковский первый из драматургов использовал для театра будущее.

Разумеется, он, выводя на сцене людей будущего, совсем не собирался предсказывать, что именно такими людьми будут наши пра-пра-потомки. Нет! Маяковский брал будущее лишь для того, чтобы на светлом фоне завтрашнего социализма ярче показать черные пятна наших сегодняшних недостатков.

Так, в своей пьесе „Клоп" он зло высмеивает мещанство, пьянство, обывательский эгоизм, некультурность, хамство в отношениях к женщине, паразитизм. Все это осталось нам еще в наследство от старого мира и, конечно, исчезнет в будущем.

В другой своей пьесе „Баня" Маяковский „задает баню" бюрократам, волокитчикам, политически близоруким людям, мещанскому искусству. Все эти люди не дойдут до социализма. Будущее их не примет.

Эти пьесы заставляют нас помнить о том, что мы идем к будущим, совершенно новым взаимоотношениям между людьми и что у современных людей много еще дурного, того, что привито в ту эпоху, когда человек всячески эксплоатировал человека.

МАЯКОВСКИЙ И ПИОНЕРСКИЙ САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ ТЕАТР

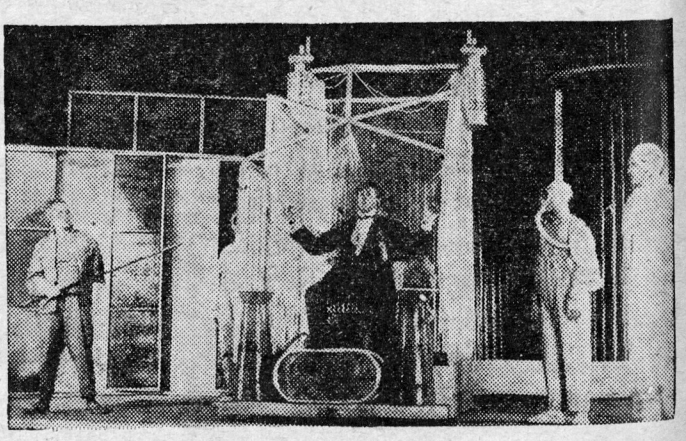
Опыт постановки „Мистерии Буфф" показывает, что пьесы Маяковского абсолютно понятны для юной аудитории. Они интересней и доступнее для понимания, чем многие пьесы, написанные специально для детского театра. Эти пьесы написаны замечательным языком, в них есть много занимательности, в них подлинная театральная игра, наконец, они не нуждаются в громоздких декорациях и пышных костюмах.

Пьесы Маяковского могут и должны ставиться на площади города и за городом во время гулянья,—это ожившие маски знакомого нам карнавала. А если нужно вам физкультурное зрелище, у Маяковского написано совсем недавно интереснейшее цирковое представление, посвященное 1905 г., называемое „Москва горит".

Каждый герой этого представления является одновременно цирковым артистом и в то же время одним из участников событий 1905 г. Здесь клоуны-городовые, которые скачут на трапециях в поисках крамолы, здесь музыкальные эксцентрики, изображающие интеллигентских крикунов, и боевые гимнасты, показывающие, как борются пролетарии.

Текст циркового представления, впервые прозвучавшие с арены стихи крупного поэта, тесно спаян с цирковыми, гимнастическими и клоунскими номерами. Написана „Москва горит" для профессионального цирка, но может быть отлично использована для массового физкультурного выступления. Конечно, не следует брать пьес Маяковского целиком,—надо их изменять, перерабатывать.

Сам он писал: „Все играющие, меняйте содержание, делайте его современным, сегодняшним, сиюминутным".



Сцена из пьесы „Клоп" В. Маяковского

Без кулис и декораций

Текст В. ГВАЙТА

РЕБЯТА ОСАЖДАЮТ КИНО, ЛЮБЯТ РАССМАТРИВАТЬ РИСУНКИ В ЖУРНАЛАХ, ЗАУЧИВАЮТ НАИЗУСТЬ СТИХИ. РЕБЯТА ЧАСТО ВСТРЕЧАЮТСЯ С ИСКУССТВОМ. ПОЭТОМУ „ПИОНЕР" РЕШИЛ РАССКАЗАТЬ ЧИТАТЕЛЯМ О СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ, ПОЧЕМУ И ЧЕМ ОНО ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ СТАРОГО, ПОЧЕМУ ВЫРОСЛО ЕГО ЗНАЧЕНИЕ. НАЧНЕМ С ТЕАТРА.

В МОСКОВСКОМ Малом театре был когда-то веселый кассир: он продавал билеты не по порядку, а с таким расчетом, чтобы все лысые люди сидели крестом или какой-нибудь фигурой. Вечером кассир с галерки любовался узором из лысин.

Вы скажете, что не так-то легко угадать под шляпой лысину. Но это было до революции; тогда в партере сидели самые толстые и самые лысые сановники: губернатор, полицмейстер, градоначальник, крупные помещики, богатые купцы.

Всех их веселый кассир знал в лицо и поэтому никогда не ошибался. Правда, были еще люди, которых кассир не знал. У них не было лысин, они ходили в театр редко и только на галерку.

Это были студенты.

ТЕАТР С ОДНИМ ЗРИТЕЛЕМ

Большой шелковый занавес поднимается, актер выходит на сцену. Он говорит, обращаясь к зрительному залу, но... в зале только один зритель. Может быть, пьеса не интересная и никто не захотел ее смотреть? Нет, это театр одного самодура — германского герцога, державшего труппу только для себя одного. Никто другой не имел права смотреть герцогский театр.

Было время, когда все театры были придворными, и публика состояла только из королевской семьи и ее приближенных. Позже в театр получили доступ более широкие слои населения. Это был буржуазный театр, совсем не похожий на тот, в который вы ходите теперь. И публика была другая. и пьесы были другие, и актеры не такие. Театр служил интересам буржуазии, и потому в нем играли пьесы, которые развлекали и усыпляли публику. Все в театре было красиво, спокойно и благополучно. Герой об'яснялся в любви героине или умирал от несчастной любви. Толстая певица пела любовные арии, и лысые толстячки забрасывали ее букетами цветов.

Теперь театр не такой. Такой театр нам не нужен. Мы ходим в театр не для того, чтобы подремать и забыться, а для того, чтобы набраться бодрости, для того, чтобы научиться бороться с трудностями. Наш театр—могучее средство пропаганды. Но он не сразу стал таким.

ЗЕМЛЯ ДЫБОМ

Все места заняты. Даже в проходах стоят люди. Но большой зал театра кажется необычайно высоким и странно пустым. Это оттого, что нет занавеса: вся сцена видна до самой глубины. Раньше в театре публика видела декорации леса или комнаты. Никто не знал, где кончается театр, и все по ту сторону сцены, за кулисами, было очень таинственно.

В зрительном зале тоже перемены: там, где были ложи с бархатным барьером, теперь стоят простые стулья.

Театр полон; в проходах стоят люди... Вдруг на сцену выходит актер и просит не стоять в проходе, а то автомобилю нельзя будет проехать. Какому автомобилю? Ведь мы не на улице! Но на сцену уже с треском выехали две мотоциклетки, а по главному проходу зрительного зала медленно проезжает автомобиль. На нем стоит красный гроб.

Пьеса М. Горького „На дне" на сцене 1 МХАТ. Эту пьесу ставили до революции, она идет и теперь в декорациях.

Это происходило в 1922 году в театре Мейерхольда, в пьесе „Земля дыбом“. Театр Мейерхольда — первый революционный театр, тот театр, в который мы ходим теперь. В зрительном зале были сломаны ложи. Ложи прежде были для особенно важной, избранной публики. Все тряпки с нарисованным небом и деревьями тоже сорваны. Занавеса нет. Это для того, чтобы все видели, как устроен театр, и что в нем нет ничего таинственного. Вместо декораций на сцене стоит сложная постройка, вроде железнодорожного моста. Над ней на тросах висит небольшая площадка; на этой площадке тоже происходит действие. Внезапно посредине спектакля тросы обрываются, и площадка с актерами летит вниз. Актеры продолжают разговаривать, и публика думает, что все это так и полагается по пьесе. Никто и не догадался, что актеры упали на самом деле и только чудом не разбились.

Автомобиль с гробом проехал через зал и стоит на сцене. Люди в солдатской форме говорят горячие революционные слова над трупом убитого товарища, и публика выходит из театра бодрая, готовая к борьбе завтра же, если потребует революция,—завтра же в рядах настоящей, не театральной, Красной армии.

ВЕРТЯЩАЯСЯ СЦЕНА

Со времени „Мистерии Буфф“ и „Земли дыбом“ прошло десять лет. Многие театры последовали примеру театра Мейерхольда — ставят революционные пьесы, ставят острые вопросы борьбы и строительства.

Мы видели пьесы о гражданской войне: „Блокада“, „Командарм 2“, „Чапаев“; мы видели пьесы о вредителях: „Рельсы гудят“, „Человек с портфелем“; об интеллигенции: „Чудак“; о деревне: „Виринея“ и „Двор“; о мещанстве: „Мандат“; об ударных бригадах: „Выстрел“.

Все театры, даже самые старые и консервативные, принуждены подтянуться за передовыми, иначе рабочий зритель не захотел бы итти в них. Малому театру сто лет. Когда-то давно он был передовым театром — театром молодой буржуазии; потом он состарился. Даже самый дом состарился. А его старые актеры еще долго после революции продолжали играть старые пьесы. Но вот однажды на сцене нужно было изобразить пароход, и публика была поражена, когда он медленно проплыл, поворачиваясь. Тут только москвичи в первый раз узнали, что в Малом театре есть вертящаяся сцена. О вертящейся сцене мечтают все театры, потому что она дает возможность быстро менять установки и двигать на сцене пароходы и поезда.

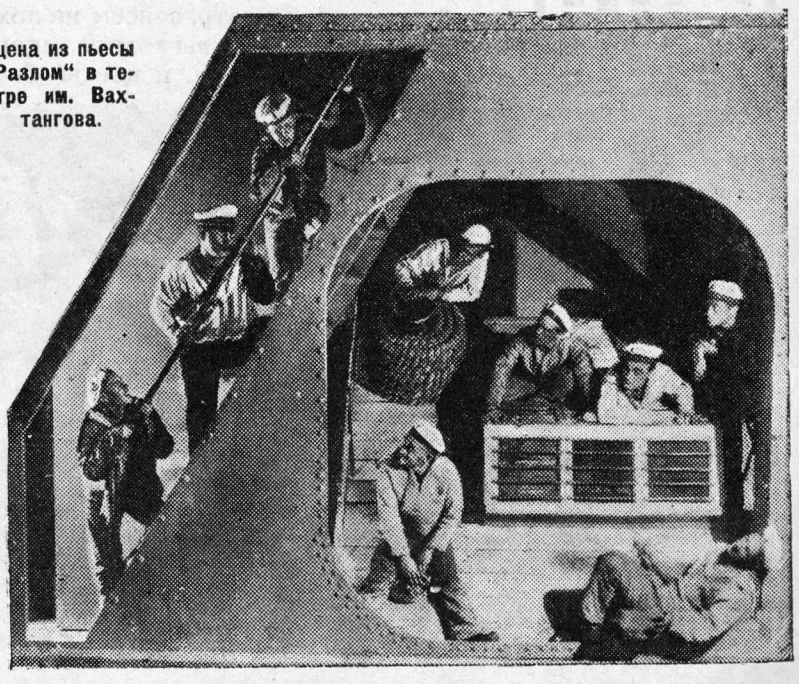
ОМОЛОЖЕННЫЕ ПЬЕСЫ

Пролетарский театр — прежде всего театр массовый. Поэтому первые революционные представления происходили в цирке и даже прямо на площадях. По городу раз'езжали и сейчас раз'езжают (7 ноября и 1 мая) грузовые автомобили, на которых разыгрывались и разыгрываются злободневные короткие агитационные пьесы. Поэтому теперь каждая фабрика имеет свой драматический кружок, поэтому все большие московские театры выезжают в районы и на фабрики и заводы.

Пролетарскому театру нужно не только большое помещение, чтобы все могли его видеть,—ему нужны и новые пьесы. Театр Мейерхольда поставил одну из первых революционных пьес: „Мистерию Буфф“ Маяковского. Могут быть интересны пролетарскому зрителю и некоторые из старых пьес. Например, „Ревизор“, в котором изображены взяточники и держиморды старого режима, „Лес“ Островского, который описывает самодурку-помещицу крепостницу. Эти пьесы прежде играли так, что помещица выходила очень симпатичной женщиной, а „Ревизор“ оказывался только веселым анекдотом.

Революционный театр, вскрывший буржуазную сущность старого театра, поставил эти пьесы совершенно иначе, совершенно по-новому. Помещица Гурмыжская в „Лесе“ показала свое настоящее лицо. Милонов, который говорит душеспасительные слова, был одет в поповскую рясу, и сразу всем зрителям стала ясна его сущность. Оказалось, что старые пьесы, поставленные по-новому, звучат совершенно иначе, чем прежде.

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ „ПИОНЕР“ ХОЧЕТ РАССКАЗАТЬ ВАМ О КИНО (ЗВУКОВОМ И НЕМОМ), АРХИТЕКТУРЕ, ЖИВОПИСИ, ЛИТЕРАТУРЕ. СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ ВАЖНЫМ ЗНАТЬ ОБ ЭТИХ ОТРАСЛЯХ ИСКУССТВА? ЧТО ВЫ ХОТИТЕ ЗНАТЬ О НИХ? ЖДЕМ ОТ ВАС ПРЕДЛОЖЕНИЙ.



Сцена из пьесы „Разлом“ в театре им. Вахтангова.

КОНСТ. МИНАЕВ

Очерк о том, как ребята вместо экскурсии на Северный Кавказ попали в свой соседний совхоз и что из этого получилось

Солодчанская трудовая детская колония недалеко от г. Рязани, в древнем Солодчанском монастыре. Монастырю лет 600. Основан еще при князе Олеге-Рязанском во времена владычества татар.

В этот монастырь собирали,— нечего скрывать, — прямо с улицы непомнящих своих родителей и трудно воспитуемых ребят.

Вскоре детский дом превращается в трудовую колонию. Построили свои мастерские: сапожную и столярную. И крестьяне соседних деревень стали иначе к ним относиться.

25 мая этого года исполнилось ровно два года существования колонии.

Весной ребята замечтали куда-нибудь съездить, организовать какую-либо экскурсию. Средств им отпущено было 200 руб. Решили ехать на Северный Кавказ посмотреть не только природу, но и строительство. Тракторострой в Сталинграде, Сельмашстрой — в Ростове-на-Дону и зерновой совхоз „Гигант".

Но хватит ли денег на такую большую экскурсию?

— Зачем нам ехать на Сезерный Кавказ, на „Гигант", когда у нас в Рязани есть свой „Гигант"?— заметил кто-то из преподавателей.

— Где? Какой „Гигант"?

— Да как же! Почти рядом, в Шиловском районе, молочно-огородный совхоз „Гигант".

— И верно,— сразу же согласились ребята.— Мы там работать будем!

Дело в том, что ребята давно стремились на полевые и огородные работы. Колонисты уже помогали бесплатно соседнему колхозу „Новый Путь" и даже из своих средств отчислили 5 рублей на колхозный плуг.

И вот ребята всполошились: едем и едем в свой рязанский совхоз „Гигант".

Договариваться с администрацией и выяснять дорогу командировали заведующего колонией, Киселева Ивана Михайловича.

Возвращения его ждали с нетерпением. Наконец приехал. На общем собрании докладывал.

— Дорога и место, ребята, чудесные. Берут нас на работу охотно и кормежка дешевая. О работе договоримся на месте, скажу только, что будем работать 4 часа в день, а платить будут, если выработаем норму, по 15 рублей в месяц на брата.

— Вот это здорово! Это мы за лето рублей по 70 на каждого отмахнем!

— Оденемся, ребята, как следует. Всего себе купим.

— Подожди, не мечтай широко. Надо сначала заработать.

— Когда же ехать, дядя Ваня?

— Надо немного подождать,— уговаривал Иван Михайлович.— В совхозе еще не готовы бараки, где будем жить-то?

— Ждать нечего! Мы в ригах ночевать будем!

Преподаватели решили отложить хоть денька на два, но ребята ни в какую.

Начали собираться, обсуждать: что брать и что оставить. В результате забрали все, даже двух поросят.

— Мы их там откормим что надо!

Лошадь с тяжелым инвентарем отправили вперед. До Рязани ехали по узкоколейке (заняли целых два вагона), а потом, переночевав на пристани, поехали вниз на пароходе „Луначарский" до Шилово.

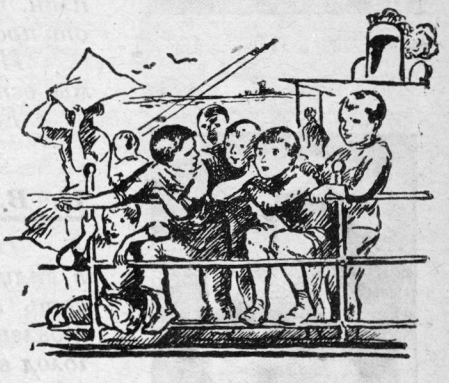
На пароходе было ехать одно удовольствие. День был, кстати, теплый и солнечный. Ребята интересовались маяками, сигнальными столбами. Следили за перелетом уток, потом спустились в машинное отделение и даже хотели забраться на капитанский мостик.

В Шилово приехали вечером. Их уже встречали на подводах на пристани:

— В ригах не придется спать. Бараки только что отстроили. Занимай, ребята!

Но куда же попали солодчанские ребята? Что это за совхоз „Гигант"?

В Москве, где живут сотни тысяч рабочих, нужны овощи. В Московской области для этого организуется ряд гигантов-совхозов. Шиловский в Рязанском округе является первым таким гигантом. Выбрали место в Шиловке потому, что здесь хорошие, сочные луга и свободные земли.



АКТЕР-ОБЩЕСТВЕННИК

Не только новые пьесы должны итти в новом театре, но и играть их должны новые актеры. Рабочая молодежь, которая учится в драмкружках, придет на смену старым актерам. Новый актер должен быть общественником, иначе он не сможет разбудить революционный дух зрителя, не сумеет правильно изобразить классовую сущность того типа, которого он показывает. Он должен показать его так, чтобы белый офицер не получился симпатичным и безобидным мальчиком, как это бывало в буржуазном театре, а иногда случайно и у нас.

Для этого актер должен быть тесно связан с рабочим классом. Такие актеры в ленинградском ТРАМЕ (театр рабочей молодежи). Этот молодой театр, организованный комсомолом из драмкружков, первый верно показал комсомольский быт. Сейчас по его примеру организованы ТРАМЫ в других городах по всему СССР.

Советский театр—лучший театр в мире. Из Америки, из Западной Европы приезжают актеры и режиссеры учиться у наших театров. Но мы не успокаиваемся на достижениях. У нас еще мало хороших пьес, мало новых актеров и режиссеров. Мы требуем, чтобы театр откликался на все боевые вопросы общественной жизни. И мы добьемся этого.

Ребята! — следующий номер двойной — он посвящен детклубу и детской печати. Распространяйте его среди товарищей и редколлегий.

СЛОВО

АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ

Писать для ребят наитруднейшее дело. Книга для детей есть серьезный разговор о серьезных вещах, даже если пишешь на юмористическую тему. Поэтому всегда, с одной стороны, писатели боятся „пересерьезить“ вещь, с другой — впасть в сюсюканье, которое является отвратительнейшим из пережитков старого. Этим, по-моему, и об'ясняется тот самый факт, что писатели, желающие по-большевистски работать для ребят, так медленно подходят к этому делу.

Мне кажется, что тогда ребята получат хорошую книгу, когда выработается кадр писателей, которые будут хотеть писать для ребят. Это не значит, что все внимание пролетарского писателя должно быть занято вопросом детской книги. Сейчас писателя привлекают острейшие противоречия сегодняшнего дня. Произведение пролетарского писателя, ставящее общеклассовые темы, может и должно быть понято пионерами. Это очень трудно. Это неимоверно трудно. Но в этом направлении необходимо работать.

ВИКТОР КИН

Старая семья делила сознание ребенка на две половины. Поцелуями мамы и, если нужно, подтяжками папы ему вколачивалась любовь к семейному очагу, замкнутому миру квартиры и своему — в противоположность чужому.

Уют спальни и столовой ставился выше всего в мире. Сознание ребят отравлялось буржуазной идеей собственности.

Эту подлую работу еще и сейчас делают многие писатели, пишущие детские книги.

На Урале, на одном заводе, полторы тысячи пионеров об'явили себя председателями производственных совещаний. Каждый из них обязался провести в своей семье совещание по вопросу, почему их заводы не выполняют план. Они записали предложения своих отцов и взрослых братьев, требовали от прогульщиков выхода на работу, разоблачали рвачей и лодырей.

Нам нужны книги о таких ребятах. Рассказики о птичках и козликах мы оставим для буржуазных щенят.

Если я написал непонятно, то попросите вожатого об'яснить вам.

И. В. ЕВДОКИМОВ

Никакой особой детской литературы, по-моему, не надо делать. Я имею в виду читательский возраст лет с 10—12. Если бы писателю удалось написать вещи, понятные по языку и сюжету миллионам совершенно неподготовленных читателей, даже неграмотных (чтение вслух), то весь книжный голод вполне бы разрешился. Вся беда в том, что не находится пока этого общедоступного языка, ясного, правдивого, как бы прозрачного. Но, кажется, вся наша взрослая литература уже работает над этим. Полагаю, что для так называемой „детской литературы“ не надо и особой тематики: все пойдет в пользу, лишь бы произведение было сделано хорошо. Нельзя сужывать задачу только описанием пионерских лагерей, как о том сообщают деткоры. Все темы, все переживания нужны. И чем будет разнообразнее и разностороннее литература, тем лучше.

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ

Мы не умеем писать для пионеров, потому что плохо пишем для взрослых. У нас не умеют интересно строить сюжет, описывать интересные приключения. Делают это иногда плохие, но храбрые писатели.

Надо учиться писать интересно. Читателю пока придется читать путешествия и старые повести, которые можно переиздать для ребят. Сто раз предлагал издательствам издать, например, „Лезарилью из Термеса“ [1].

А нам надо учиться. Мне учиться заодно. Я буду учиться писать для пионеров.

[1] *История жизни одного испанского мальчика.*

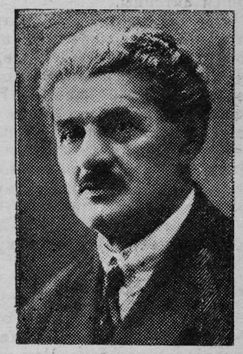
ПИСАТЕЛЮ

О. М. БРИК

Граждане педагоги очень милые люди, но когда дело доходит до писателя, то они разговаривают с ним не как с человеком близким ему, а как с чужим. Это напоминает ребенка, у которого в детстве была няня, потом ребенок вырос,—у него появилась гувернантка со знанием французского языка. Старая няня презрительно фыркает на новое „начальство“ — гувернантку и всячески старается огородить „дите“ от новых влияний.

Педагоги похожи на эту самую няню и одергивают „дите“ от Асеевых, Маяковских, от всяких фильтров, а дают им всяческих Ауслендеров и Маршаков. Ни один писатель в глаза не видит педагога. Нужно создать хоть одно деловое совещание между педагогами и писателями. Издательства ждут, пока писатели вдохновятся. Писатели ждут, пока издательства закажут вещи. Нужно дать писателю задание, разработанный план и источники. У нас нет для ребят биографии Маркса, Энгельса, Лассаля. Все это нужно дать. Уже сейчас нужно заказывать книжки к грядущему юбилею народовольчества. Педагоги смотрят на писателя с высоты своих знаний. Повторяю, нужны собеседования и собрания по поводу детской литературы.

А. И. СВИРСКИЙ



Ошибка наших писателей в том, что полагают, что ребятам интересна только жизнь детей, подобно тому как думают, что крестьян может интересовать только крестьянская жизнь. Это неверно. Ребят занимают взаимоотношения между взрослыми и детьми. Свою книгу „История моей жизни“ я писал для взрослых, но из многочисленных детских писем я понял, что она заинтересовывает и ребят. Ребятам нужно давать вещи, где одним из действующих лиц является мальчик или девочка, но где окружающие взрослые.

Многие писатели не пишут для ребят, потому что думают, что детей не могут заинтересовать металл, бетон, текстиль, завод, комбинат и т. д. Все зависит от того, как книга сделана. Ребята любят динамику действия, восхищаются всяким проявлением героизма. Нельзя давать длительных описаний природы,—нужно давать все время действие. У хороших писателей и машины живые. Если давать на протяжении целой книги описание слона или тигра — ребенок будет спать. Но если дать ребенку столкновение или борьбу тигра и слона—ему будет интересно.

Сейчас нужны книги о Днепрострое, о Турксибе, но хорошие книги. Это было бы во много раз лучше, чем все имеющееся у нас „Ташкенты“ и „Макарки-Следопыты“. Нужно создать специальный кадр писателей для ребят.

Н. Н. АСЕЕВ

Неучастие крупного писателя в работе над детской книгой, по-моему, является результатом очень малого внимания вообще к детской литературе. Литературные споры, внимание прессы на 90% закреплено за литературой для взрослых. Писатель, написавший удачную книгу для взрослых, оказывается в центре внимания общественности. Его издают, о нем пишутся статьи, о его произведении ведутся дискуссии, споры. В то же время литература для школьного возраста находится в положении третьеочередной литературной продукции.

Вследствие этого в ней и властвуют всяческие Маршаки, Остроумовы и Ауслендеры. Детской литературе уделяется очень мало внимания. Мне хотелось бы, чтоб дело не кончилось только этим высказыванием, а чтоб наша общественность уделяла больше критического внимания детской литературе.

РАДИОЛАГЕРЬ

ФАБРИКА НА СТОЛЕ

С. КАЛАШНИКОВ

„МЫ НЕ МЕДВЕДИ"

Эх, ребята, и „азиатские" раньше были у нас лагеря — забирались в медвежью глушь и не вели никакой общественно-полезной работы, форменным образом были „отрезаны от мира". Мы не могли толком об'яснить окружающему наш лагерь населению все текущие события, решения нашей партии и правительства. Ведь газеты-то запаздывали, даже и совсем до нас не доходили. Но мы учли ошибки прошлых лет и решили получать газету без бумаги — попросту говоря, мы свой лагерь радиофицировали. Радиофикацию лагеря мы поручили звену „Связист". О своей работе сейчас и расскажут ребята этого звена.

ЖЕЛЕЗО ИЛИ МЕДЬ?

Кто-то сказал, что если есть хорошая антенна, то будет и хорошая слышимость. Ну, ясное дело, мы и обратили серьезное внимание на устройство хорошей антенны.

Но перед нами встало затруднение — из какого материала нам взять проволоку для антенны? Вы все, хотя бы и краем уха, слышали, что для антенны берут бронзовый канатик. Но цветных металлов в нашей стране нехватает. Мы решили сделать опыт, заменить цветной металл „черным" металлом — железом. И знаете, ребята, слышимость на железную антенну была не хуже слышимости на медную антенну.

Для антенны мы взяли простую железную (печную) проволоку толщиной в 2,5 *мм*.

ВЫШЕ КРЫШИ

Антенну мы сделали однолучевую, Г-образную, длиной в 50 метров. Длиннее делать не стоит. Чем выше установлена антенна над землей, тем лучше бывает слышимость. Мы свою антенну укрепили на коротких шестах (длиной метра по 4), которые прикрепили к вершине самых высоких деревьев, какие только нашли вблизи лагеря. Один конец антенны мы пропустили через кольцо и привязали груз. Вот догадайтесь, для чего мы так сделали? От шестов мы антенну изолировали фарфоровыми роликами, чтобы электрические заряды с антенны не уходили в землю.

Снижение сделали из той же проволоки, что и горизонтальную часть антенны. Только мы снижение хорошо припаяли к горизонтальной части антенны. Следили за тем, чтобы снижение нигде не касалось бы стены, крыши, палатки и т. д. Вот я вам покажу рисунок, на котором нарисована сделанная нами антенна (черт. 1).

МЫ В РАДИОПОХОДЕ

Иногда мы делали радиопоходы в деревню. Для этой цели у нас была походная радиопередвижка. Антенна была простая — брали камень, привязывали его к концу проволоки и закидывали повыше на дерево. К другому концу присоединяли зажим приемника.

ПОМНИ, ЧТО ИГРАЕШЬ С ОГНЕМ

Мы устроили и грозовой переключатель. Такой переключатель необходим при наружной антенне. Если его нет, то молния может натворить много бед.

Вот смотрите (см. черт. № 2) — это и есть грозовой переключатель. Вот этот нож (*а*) может быть перекинут или вверх (*в*) или вниз (*с*). Когда нож соединен с верхней губкой, то это антенна, как говорят „заземлена". Ну, а если мы нож перекинем вниз, то приемник будет соединен с землей и антенной. Давайте, ребята, запомним самое основное,— что при каждой антенне должен быть грозовой переключатель и присоединять его нужно так, чтобы нож рубильника был обязательно соединен с землей.

Нож рубильника в губки должен входить с небольшим трением — этим обеспечивается надежное электрическое соединение.

И ПЕТЬКУ НЕ ВИДНО

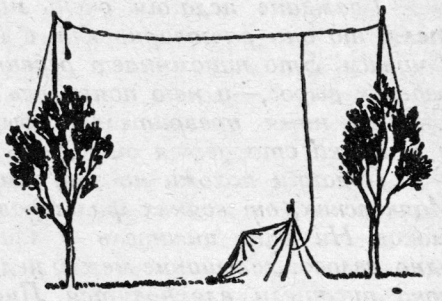
Заземление мы сделали так: выкопали в земле глубокую яму. Она была такой глубины, что когда в нее влез Петька, то его не было видно. А Петькин рост равен 1,5 метра. На дно ямы мы положили лист железа с припаянной к нему проволокой. При радиопоходах заземление делали из старого шомпола от винтовки. Ничего получалось.

ДО САМОГО СЕРДЦА ДОКОПАЛИСЬ

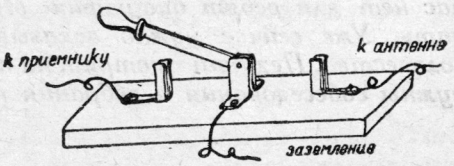
Приемник мы сделали самый простой. Хотя он и прост, но слышно было хорошо, да и станции другие не мешали. Сделали мы его так. Взяли лист картона и склеили из него трубку длиной в 20 *см* и диаметром в 8 *см*. На трубку намотали железную, толщиной в 0,5 *мм*, проволоку. Наматывали так, чтобы витки не касались друг друга (см. черт. 3). Всего мы намотали 200 витков с отводами через 50 витков. Катушку с обмоткой мы покрыли несколькими слоями асфальтового лака. Готовую катушку к основной доске мы прикрепили деревянной планкой. Отводы от катушки присоединили к контактам, по которым и ходит ползунок. Сейчас вот на этой фанере я углем начерчу, как мы расположили и соединили между собой проволокой отдельные детали нашего приемника.

СМОТРИ И СЛУШАЙ

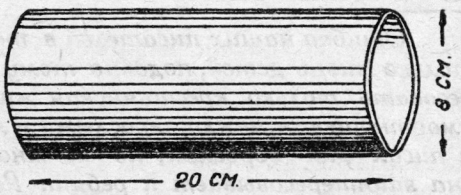
Вот смотрите чертеж 4. Начало обмотки катушки мы присоединили к клемме *А* (антенна). К этой же клемме мы присоединили и одно гнездо детектора. К клемме *З* мы присоединили землю и одно гнездо от телефона. К телефонным гнездам *Т* мы присоединили конденсатор (блокировочный) постоянный, емкостью в 2000 — 2500 *см*. Детектор мы купили и вправили в гнезда. Гнезда, ползунки, контакты и т. д. мы делали сами.



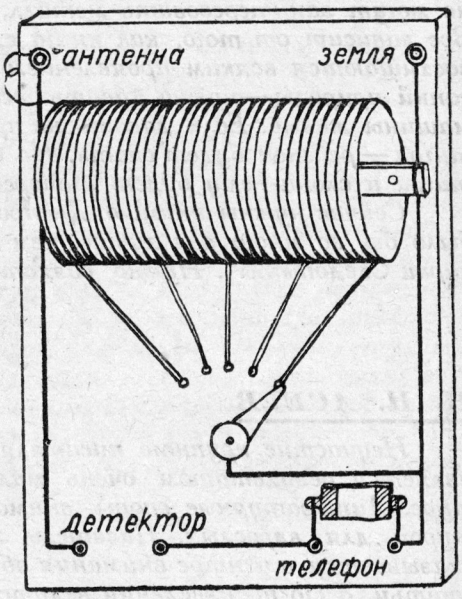
Чер. 1



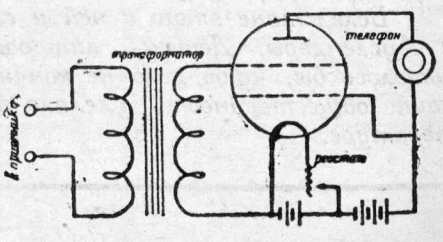
Чер. 2.



Чер. 3.



Чер. 4.



Чер. 5.

Даже телефонную трубку сами делали. Ну, о ней расскажу еще как-нибудь.

У нас получились хорошие результаты от такого простого приемника потому, что мы его тщательно изготовляли.

НАШ ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ

К этому радиоприемнику мы сделали и усилитель. Весь лагерь слушал передачу. Усилитель мы сделали простой и дешевый. Вот я черчу его схему (черт. 5). Это усилитель низкой частоты и работает он с двухсетчатой лампой при очень низком анодном напряжении. Для питания анода нужно всего три или четыре батарейки для карманного фонаря. Как видно из схемы (см. черт. № 5), усилитель состоит из трансформатора низкой частоты (1 : 5), самого обыкновенного реостата на 25 *ом*. Добавочная сетка, выведенная к клемме на цоколе, присоединяется всегда к плюсу анода.

Такой усилитель мы включали в телефонные гнезда нашего простого приемника, только мы удаляли блокировочный конденсатор. В телефонные гнезда усилителя мы включали репродуктор, который на время лагеря дал нам радиокружок клуба.

„САМИ СОЛОВЬИ"

Вы, ребята, думаете, что на этом мы и закончили радиофикацию лагеря? Далеко нет. Мы соорудили свою радиостудию и из нее передавали газету, концерты и т. д. У нас ежедневно сообщались новости. Каждый день мы были в курсе жизни страны. На наши передачи приходили и крестьяне, которым они очень нравились.

Один раз Петька Антепкин придумал через нашу студию передать пение соловья. Но соловей бастовал и не пел. Пришлось Петьке изображать соловья. Но ребята быстро узнали такого „соловья".

НАША СТУДИЯ

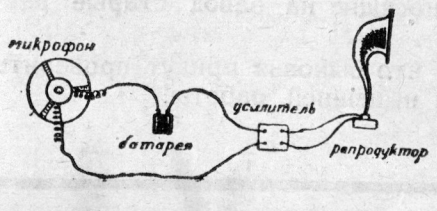
А как мы устроили свою радиостудию — смотрите вот на эти рисунки из нашего звеньевого дневника.

На этом вот чертеже дана схема соединения микрофона с батарейкой (см. черт. № 5). А вот на другом рисунке (см. черт. № 6) видно, как микрофон присоединен к усилителю. От усилителя идут провода в репродуктор, который и лил „волшебные звуки Петькиной гортани".

„А О НАКАЗЕ СЛЕТА ЗАБЫЛ?"

Всем, ребята, советую сделать радио в лагере. Главное, нужно помочь колхозным ребятам в устройстве радио. Помните, ребята, слет дал наказ: к концу пятилетки — ни одной деревни без громкоговорителя.

Но мы сначала научимся строить простые детекторные приемники, от которых затем и перейдем к сложным ламповым громкоговорителям.



БЕСЕДЫ ОБ ИНСТРУМЕНТАХ

Рабочего **С. ГУРОВА**

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ЦЕХ

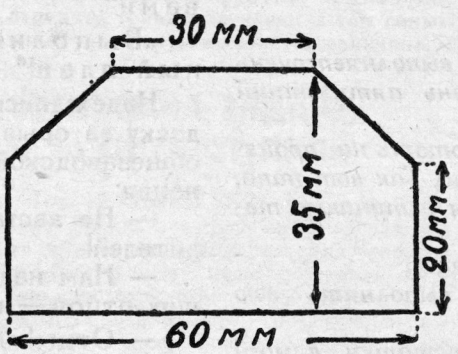
Как заточить пилу (столярную).

Для того, чтобы хорошо заточить пилу (по дереву, нужно иметь: трехгранный напильник в 5—6 дюймов, колодку для точки и разводку.

Напильник надо купить, стоит он гроши, а колодку и разводку мы сделаем сами.

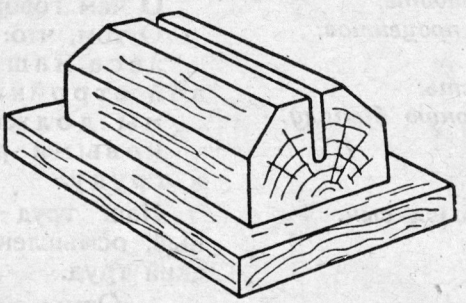
КОЛОДКА. Возьмите доску толщиной в 12,7 мм и постругайте ее кругом так, чтобы толщина ее получилась 10 мм, а ширина 90 мм. Отрежьте (той самой пилой, которую надо точить) кусок, длиной 150 мм. Это у нас будет основанием колодки.

Найдите кусок дерева (чем дерево крепче, тем лучше: дуб, береза) таких размеров, чтобы можно было выстругать пластину 120 мм длиной, 60 мм, шириной и 35 мм толщиной. Эту пластинку остругайте так, чтобы в поперечном сечении она получила такую форму:



После этого ВДОЛЬ всей пластины, как раз по середине ее, сделайте пропил на глубину, равную ШИРИНЕ ПИЛЫ без зубьев.

Теперь прибейте пластину к основанию, и колодка готова:



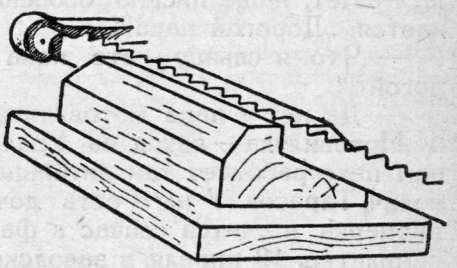
РАЗВОДКА — это кусок плоского железа, а еще лучше стали, такой формы:

В этом куске делаются прямые пропилы (а, б, в, г) шириной 1,0—1,5—2,0—2,5 мм и глубиной, равной высоте зубца пилы (т. е. от 1,5 мм до 6 мм для лучковых пил и ножовок и от 8 до 15 мм для двуручных пил). Делать пропилы нужно слесарной ножовкой соответствующей толщины. На оттянутый конец разводки одевается деревянная или бумажная ручка.

Теперь необходимые приспособления у нас есть, давайте точить пилу.

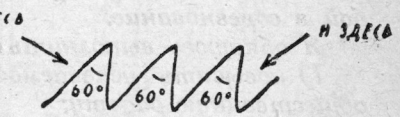
1) Поверните пилу (лучковую) в станке так, чтобы она встала под углом 90° к обычной плоскости пилки:

2) вставить ее в колодку так:



Если пила в колодке лежит не прочно, шатается, прижмите ее деревянным клинышком, забив его в щель между пилой и стенкой против колодки (ни в коем случае не гвоздем!)

Когда пила плотно улеглась, начинайте ее ТОЧИТЬ: для этого нужно опиливать КАЖДЫЙ ЗУБ пилы, держа напильник ПЕРПЕНДИКУЛЯРНО к плоскости пилы и с «затылка» и с режущей стороны, т. е.:

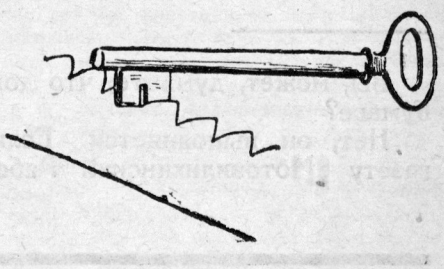


При точке старайтесь добиться, чтобы все зубья остались одинаковыми по высоте.

После того, как пила наточена, ее нужно развести. Для этого зубья пилы ОТГИБАЮТ попеременно вправо и влево через один, захватывая их прорезом разводки.

Отгибать зубья нужно немного, так, чтобы прорез от разведенной пилы в доске был приблизительно ВДВОЕ шире, чем толщина пилы.

Если пилу надо привести в порядок срочно и времени для приготовления разводки нет, можно воспользоваться дверным ключом с прорезом.



Письмо к папе

— Опять письмо к папе?

— Как опять? Это первое.

— А письмо астрономов, писателей, безбожников и сотни других?

— Нет, наше письмо особенное. Оно и начинается: „Дорогой папа!“

— Что я слышу — это папа римский-то „дорогой?!“

— Да нет — папа мотовилихинский.

Мотовилиха — завод на Урале. В сталелитейном цехе работает там литейщик Василий Семенович Тарасов. У него есть дочка Маруся. Она пионерка и учится сейчас в фабрично-заводской семилетке. 12 апреля в заводской газете „Мотовилихинский Рабочий“ Маруся написала открытое письмо папе.

Вот оно:

ДОРОГОЙ ПАПА!

Сейчас рабочий и крестьянин выполняет очень большую работу, проводит в жизнь пятилетний план.

Рабочий должен усиленно работать на производстве, чтобы выполнить все это. Так вот, папа, чтобы помочь делу социализма, я вступаю с тобой в соревнование.

Я обязуюсь выполнить следующее:

1) повысить успеваемость и выполнять всю общественную работу;

2) изжить все прогулы и недостатки в моей школьной работе;

3) вступить из пионеров в комсомол;

4) в 1932 году окончить школу и пойти в вуз;

5) обучить тебя грамоте;

Ты же должен сделать следующее:

1) уничтожить брак в своей работе;

2) выполнять задание на 100 процентов;

3) прекратить прогулы;

4) ликвидировать неграмотность;

5) вступить в партию и ударную бригаду.

Подписались:

Тарасова Мария.

За неграмотного отца расписался сын.

Вы, может, думаете, что договор остался на бумаге?

Нет, он выполняется. Если вы посмотрите газету „Мотовилихинский Рабочий“ дальше, то узнаете, что Василий Семенович — отец Маруси — вступает в партию. А чтобы вступить в партию, надо ликвидировать неграмотность. Значит, обе стороны выполняют свои обязательства.

Вы, может, думаете, что таких, как Маруся Тарасова, больше нигде нет?

Нет, есть много.

Недавно в другой газете, „Уральский Рабочий“, рассказывалось несколько случаев о том, как дети выступили против отцов-лодырей, прогульщиков и рвачей.

В Кизеле дети пришли к шахтам, где работали их отцы, с плакатами:

„Перестаньте позорить нас своей скверной работой“.

„Дайте нам возможность гордиться вами“.

„Выполняйте свой производственный план!“

Надеждинский завод был занесен на черную доску за срыв промфинплана. Дети пришли на общезаводской митинг и хлестали словами обвинения:

— Не заставляйте нас краснеть за своих родителей!

— Нам надоело слушать о том, что завод наших отцов — на черной доске.

— Отцы! Довольно халатности и прогулов. Беритесь за дело!

Слова были услышаны. Слова принесли победу. Позор отцов смыт с черной доски.

О чем говорят в первую очередь эти факты?

О том, что:

леса наших новых дней, нашей новой стройки

мы должны возводить

новыми руками, новым отношением к труду.

Наш труд — организованный, производительный, осмысленный, увлекающий, социалистический труд.

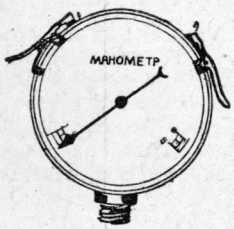
— Отцы, приносящие на завод старые рабские навыки,

не забывайте, что сыновья придут проверить прочность вашей нынешней работы!

ЗАДАЧНИК ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

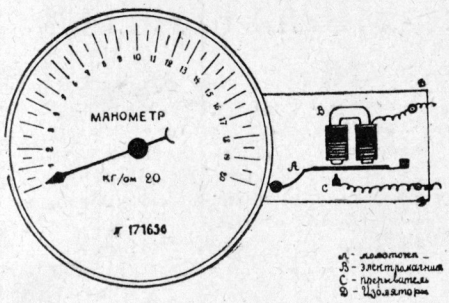
ОТВЕТЫ К ЗАДАЧЕ „УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ МАНОМЕТР“

Ответ тов. Н. САВАТЕЕВУ (Витебск, совхоз „Тересполь“)



Задача решена правильно; не совсем удачно выбрана, однако, конструкция молоточка, т. к. толчок не всегда будет получаться одинаковой силы и резкости (сила толчка до некоторой степени будет зависеть от того, как быстро принять руку с молоточка). Конструкция же, предложенная нами в ответе, обеспечивает толчок всегда одинаковой силы и резкости. Кроме того, второй молоточек является лишним, т. к. удара одного молоточка будет вполне достаточно для того, чтобы поставить стрелку манометра на место.

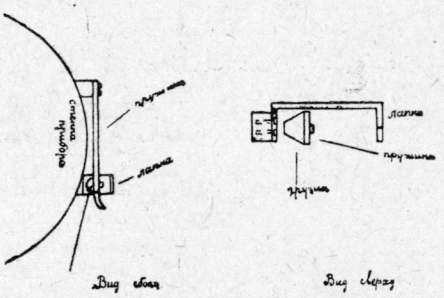
Ответ тов. Я. КАСАТКИНУ (Нелидово, Ржевского округа)



Задача также решена по существу правильно, но с излишними усложнениями. Применять электрический звонок имело бы смысл, если бы нужно было издали устанавливать стрелку прибора на место. Но ведь для того, чтобы прочитать показания прибора, надо к нему подойти, следовательно, можно дать нужный толчок при помощи пружинного молоточка.

ПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

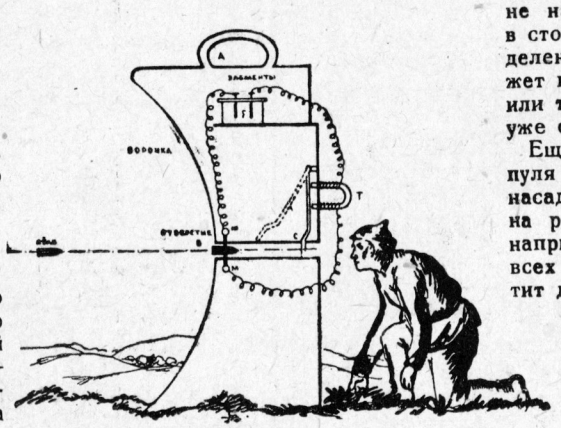
Приспособление, при помощи которого можно было бы встряхивать манометр или какой-либо другой измерительный прибор можно устроить так, как указано. К корпусу прибора прикрепляется пружинка с укрепленным на ней грузиком. Чтобы встряхнуть прибор, достаточно отвести пружинку в сторону и затем сразу отпустить ее. Под давлением пружинки грузик ударит по корпусу прибора. Для того чтобы удар не мог быть слишком сильным, можно над пружинкой приделать специальную лапку (рис. 2). Тогда пружинку можно будет отводить только до лапки и тем самым сила удара грузика будет ограничена.



Для встряхивания прибора служит пружинка с грузиком. Лапка не позволяет отвести пружинку далеко.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧУ О ЗАЩИТЕ ОТ ПУЛЬ

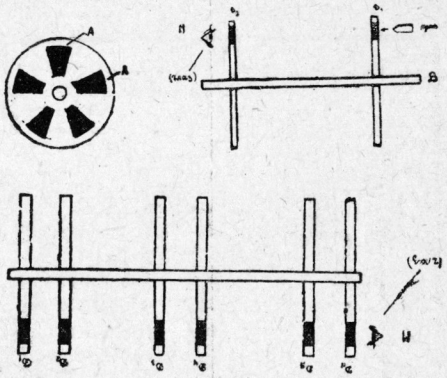
Тов. БЕЛИКОВ П. М. (адрес не указан) предлагает (рис. ниже) следующее механическое устройство для защиты наблюдателя от пуль: поставить твердую, достаточно большого сечения перегородку („воронку“) с сквозным отверстием, „несколько большим диаметра пули“, через это отверстие должно вестись наблюдение. В начале хода, образуемого „отверстием“, поставить железные пластинки с тем, чтобы при пролете пули замыкался электрический ток, который посредством электромагнита замыкал бы внутренний конец хода железной пластиной.



Это решение нельзя назвать вообще неправильным, однако, практически оно не является решением задачи. Ввиду быстроты полета пули она замкнет контакт на очень короткое время (если скорость пули 200 *м* в секунду и длина 2 *см*, то контакт будет замкнут только на десятитысячную долю секунды), за это время в обмотке электромагнита ток, возрастающий не мгновенно, а постепенно, не успевает возрасти настолько, чтобы электромагнит мог бы притянуть заслонку. Если бы даже электромагнит и притянул бы заслонку, то она упала бы тоже не мгновенно, а за то время пуля успела бы пролететь весь путь.

ПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

ДЛЯ решения этой задачи может быть применен принцип так называемого стробоскопа [1]. Принцип этот заключается в следующем (рис. 1). Два диска $Д_1$ и $Д_2$ с вырезами А насажены на вал В, который может вращаться с определенной скоростью. Вырезы на дисках расположены друг против друга, и поэтому при достаточно быстром вращении отдельные изображения в глазу наблюдателя будут накладываться друг на друга точно так же, как отдельные „кадры“ на экране кино. В результате наблюдатель, находящийся в Н, будет видеть то, что делается против отверстия диска Д, но только изображение будет менее ярким, чем при непосредственном наблюдении.



С другой стороны, скорость вращения дисков можно подобрать так, что пуля, летящая с определенною скоростью, пролетев через прорез в диске $Д_1$, не попадает в прорез диска $Д_2$, так как пока пуля пролетит до $Д_2$, вал успеет немного повернуться и прорез окажется не на линии полета пули, а немного в стороне. Правда, при некоторых определенных скоростях полета пуля сможет попасть не в первое, а во второе или третье отверстие диска $Д_2$. Но это уже само по себе мало вероятно.

Еще меньше будет вероятным то, что пуля пролетит сквозь устройство, если насадить на вал не два диска, а много,— на разных расстояниях друг от друга, например, шесть (рис. 2). Прорезы во всех дисках будут находиться друг против друга; яркость изображения от увеличения числа дисков не уменьшится.

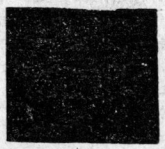
[1] Стробоскоп — самодельное кино.

Редколлегия М. Г. 4743. *Ответ. редактор* И. Разин.

Главлит № А 72.044. З. Т. 1848. Отп. в 7-й тип. „Искра Революции“ Мосполиграфа, Москва, Арбат, Филипп. пер., 18.
СтАт А 4 — 210 297 мм.

ЕСЛИ

ты любишь природу и хочешь ее изучать...
тебе нравится наблюдать за зверями и птицами...
тебя интересуют тайны живой природы...
ты хочешь сделать самодельные приборы и приспособления...
ты хочешь вместе с другими юннатами участвовать в борьбе за большевистский урожай,—



ТО ЧИТАЙ И ВЫПИСЫВАЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

„ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ“

В НЕМ ТЫ НАЙДЕШЬ СЛЕДУЮЩИЕ ОТДЕЛЫ:

Интересные рассказы, статьи, помогающие в работе на огороде, в поле, лугу, лесу и т. д. Из дневника юнната (куда пишут сами читатели). Юннаты в борьбе за урожай. „Сделай сам“ (что и как самому сделать). Как работают юннатские кружки. О чем говорят и что пишут (разные интересные мелочи). Вести из природы. Что читать (рекомендуются лучшие книги для юннатов).

Цена отдельного номера 15 коп. **Продается везде.**

Подписная цена с 1 июля до конца года (16 номеров)—75 копеек, на 3 месяца—40 копеек.

Подписка принимается: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 6, издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“, во всех отделениях издательства, повсеместно на почте и всеми письмоносцами.

РЕБЯТА!..
ПОСТУПАЙТЕ

В Детский Заочный Университет

ВСЕ можно узнать,
ВСЕ можно понять,
ВСЕМУ можно научиться, если подписаться на

Д З У

Подробный проспект высылается бесплатно.

Рассчитан на ребят в возрасте от 10 до 16 лет.

Дает им коммунистическое понимание окружающей жизни и ее явлений.

состоит из **РАБФАКА**, ц. 45 к., и **4 ФАКУЛЬТЕТОВ: общественно-образовательного** — 12 курсов, ц. 5 р. 40 к., **строительно-технического** — 9 курсов, ц. 4 р., **сельскохозяйственного**—5 курсов, ц. 2 р., подготовки **детского актива**—6 курсов, ц. 2 р. 70 к.

Цена отдельного курса **45 к.**

Подписаться можно на отдельн. курс, на факультет или полный университет (ц. 14 р. 50 к.).

При ДЗУ имеется **ЗАОЧНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в ОППИ изд.— Москва, ул. Герцена, 10, в отделениях и магазинах изд. и у письмоносцев.

ПЕРЕВОДЫ НАПРАВЛЯЙТЕ: Москва, 19, Воздвиженка, 10. Издательство „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

НА СБОРНИК

„ВТОРАЯ СТУПЕНЬ“

По не зависящим от редакции причинам ежемесячные сборники „Вторая Ступень“, являющиеся платным приложением к боевому журналу школьников и пионеров **„ПИОНЕР“**, не выходили регулярно в течение 1-го полугодия, а именно до июля вышел лишь один сборник.

Благодаря принятым редакцией решительным мерам в течение второго полугодия будет издано пять двойных и один одинарный сборник „Вторая Ступень“.

Таким образом, все подписчики, подписавшиеся в течение первого полугодия на **„ПИОНЕР“** с приложением сборников „Вторая Ступень“ (I абонемент), будут удовлетворены полностью.

Годовые подписчики получат в течение 2-го полугодия 5 двойных и 1 одинарный сборник „Вторая Ступень“.

Полугодовые подписчики получат 2 двойных и 1 одинарный сборник.

Прием новой подписки на **„ПИОНЕР“** (I абонемент—с приложением сборников „Вторая Ступень“) с 1 июля полностью прекращается.

Прием подписки на боевой журнал школьников и пионеров **„ПИОНЕР“** (без приложений) производится на 2-е полугодие.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 6 мес. (с 1 июля до конца года)-1 р. 60 к., 3 м.—85 к., 1 м.—30 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., д. 6, изд-во ЦК и МК ВЛКСМ **„Молодая Гвардия“**, всеми отделен. изд-ва, всеми письмоносцами и повсеместно на почте.